

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

Если буду нужен,
Я здесь

Юлия Резник
Если буду нужен, я здесь
Серия «Девочка», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Аннотация: Привет, я Лала. У меня есть старший брат. А у того два друга. Так вышло, что влюбившись в одного из них, я была вынуждена выйти замуж за другого. И, к удивлению, у нас с мужем сложились прекрасные отношения. Вот только первая любовь так просто не забывается. И постоянно напоминает о себе...

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	79
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Юлия Резник

Если буду нужен, я здесь

Глава 1

*Я поставлю на кон все, что ты во мне видишь.
Странные ставки однажды тоже играют.
«Гештальты» Ирина Дубцова*

Лала

– Ну? Что скажешь? – развожу по сторонам полы шикарной пляжной накидки. Бахрома на рукавах нервно подпрыгивает. Я и сама на грани истерики. Не знаю даже, что и кому хочу этим доказать. Может быть, себе, что поступаю правильно? Смаргивая выступившие на глазах слезы, выставлю вперед бедро, чтобы эффектней выглядеть. Не то чтобы я была так уж раскрепощена и уверена в себе. Скорее наоборот. Излишняя зажатость – мой бич, за который меня каждый раз ругает хореограф в танцевальной студии. Но на кону ведь моя жизнь, так? Ставки слишком высоки, чтобы стесняться.

Ну же, давай! Отреагируй, Баят. Умоляю. Дай мне хоть немного огня. Этим ведь славятся кавказские мужчины?! Что ж ты у меня такой замороженный? Еще немного, и я поверю, что тебя подбросили.

– Эм-м-м... Ты точно хочешь выйти ко всем в таком виде? – отвлекается от телефона мой благоверный.

Вообще-то нет. Я же скромница, помнишь? Это все для тебя, дурак! Но, похоже, моего жениха не воспламят даже спички и пара канистр бензина. Вот что бывает, если вы с яслей дружите, а о вашем браке родители договорились, когда «невесте» было восемь, а «жениху» едва исполнилось одиннадцать. Не буду скрывать, мне, восьмилетней, Баят казался отличной партией. Я была от него без ума. А теперь вот стою перед ним в откровенном бикини и холодею от ужаса. Как жить с человеком, которого я не люблю?! Как всю жизнь ложиться в постель к тому, кто меня не любит?

– А если да? – вздергиваю упрямо подбородок.

– На палубе полно левых мужиков. Друзья твоего брата, партнеры, члены команды, официанты... – монотонно перечисляет Баят. А мне заорать хочется: «Вот именно! Давай же, скажи, что ты никуда меня в таком виде непустишь! Бахни кулаком по столу, в конце-то концов. И я поверю, я правда поверю, что тебе на меня не плевать».

Если бы так вырядилась жена моего брата, он бы даже на порог каюты ее не пустил. Взвалил бы на плечо, бросил на кровать, выпорол, а потом вытрахал бы из нее всю дурь. Но, во-первых, Афине бы и в голову не пришло так провоцировать мужа, а во-вторых... Ладно, не стал бы он ее бить. Марат ее боготворит, обожает, возносит. Он для нее свернет горы и остановит Землю. Наверное, все мои зрелые пред-

ставления о браке сформировались как раз на примере отношений брата с его второй женой. Они столько всего преодолели, чтобы быть вместе! Марат даже развелся, чтобы жениться на девочке не наших кровей. Выступив против всех. Пойдя наперекор традициям и устоям нашего народа. Будто показывая мне своим примером, что все в этой жизни возможно. Вопрос лишь в цене, которую ты готов заплатить.

– И что? – мой подбородок задирается еще выше, шею неприятно сводит, а в носу пузырятся слезы.

– Да ничего. Хочешь идти так – пожалуйста.

Пожалуйста! Пожалуйста, понимаете? Нет, с детства нас всех, конечно, учили волшебным словам. Спасибо, пожалуйста, будьте здоровы, хорошего дня... Но сейчас я понимаю, что самое волшебное слово на свете – это слово «нет». Оно настолько волшебное, что наберись я смелости произнести его вслух всего полгода назад, ни за что бы не дошла до такого черного, непроглядного совершенно отчаяния. Вот только я не смогла отказать Баяту, когда тот сделал мне предложение прямо на юбилее моего папы. Слишком много глаз за этим наблюдали, слишком много камер было на нас нацелено, хотя на таких мероприятиях отдельным пунктом оговаривают – никакой съемки, сториз, а тем более рилзов, некоторые забивают на правила. И вот представьте – за спиной Баята скрипачи, над головой – воздушный шар, из которого нас посыпают розовыми лепестками. Он едва ли не на коленях (на колени все же не встал, это ниже его до-

стоинства), в руках – кольцо. Кем бы я была, если бы «нет» сказала? Последней гадиной, да и только.

Стискиваю зубы и нервным движением плеч снимаю с себя накидку вовсе. Баят – ноль эмоций. Ладно. Ярость и отчаяние толкают вперед. Пробегаю по отделанному драгоценными породами дерева коридору к лестнице, ведущей наверх. У моего брата – день рождения. Народа и правда много, хотя на яхте вроде бы собрались только самые близкие. У Марата полно друзей. У Марата любовь. Дочь, и сынок на подходе. Я ему ни в коем случае не завидую, нет. Просто чувствую себя еще более одинокой. И ужасно, ужасно запутавшейся!

Выныриваю на палубу, и кажется мне, что все разговоры стихают. Мама в ужасе подхватывается со своего шезлонга. Отец, напротив, застывает с открытым ртом. Надеюсь, его не хватит удар. Это просто бикини. Маленькое черное би-ки-ни. А я давно уже большая.

Мама тычет пальцем мне за спину, безмолвно требуя, чтобы я удалилась. Ни за что! Фокус в том, что когда ты эмоционально взорван, покорности тоже не остается. Натягиваю на нос очки, сделав вид, что от меня ускользает смысл невербальных посылов матери. Выхожу на палубу. Доски недружелюбно касаются ног, обжигая, хотя по идее и не должны. Тяжелый камень в моей груди перемещается из солнечного сплетенья в живот. Хватаю ртом морской воздух в надежде, что хоть он удержится в моих в ключья разорванных легких.

И в этот момент ветерок доносит до меня обрывок не предназначенного для моих ушей разговора:

– Тоха, рот закрой! Ты на мою сестру вообще-то пялишься!

– Извини, брат, – выставляет перед собой руки Антон – лучший друг Марата. – Кхе-кхе, она – как бы это сказать... выросла.

Вскидываюсь. Неужели он, наконец, заметил? Пульс просто зашкаливает. Может, с этого и началось мое окончательное падение? Или раньше? Когда я только в него влюбилась? Мне тогда было двенадцать или тринадцать? Не помню. Влюбилась насмерть. Фатально, на старте понимая, что никаких положительных эмоций мне эти чувства не принесут, только боль и слезы. О взаимности, об этих всех «и жили они долго и счастливо» я, даже будучи глупой малолеткой, никогда не мечтала. Понимала прекрасно, что у меня ноль шансов на взаимность. Он намного старше, он опытнее в сто раз, но, главное, он не нашего племени. Светлый, голубоглазый. На солнце его волосы выгорают так, что он за пару недель отпуска в тропиках превращался в платинового блондина. Его кожа светлее моей. Чтобы не обгорать, Антон постоянно мажется кремом и, кажется, несколько смущается этого факта. Но когда его начинают подкалывать на этот счет друзья, называя девчонкой, лишь ржет и тайком тычет факи. Друзья моего брата очень взрослые, да. Но порой ведут себя как существа дети.

Среди них выбивается лишь Назар Звягинцев. Я его терпеть не могу!

А он ведь тоже стоит, греется на солнышке и чуточку иронично наблюдает за моим дефиле. Под его взглядом к щекам приливает краска. Хорошо, что под загаром ее не видно. Назар просто обожает ставить меня в неловкое положение. И ему это удается с успехом. Даже не знаю, как так получается, что я каждый раз выставляю себя перед ним полной дурой. И лгуньей. Знаете, как он называет меня за глаза? Ла-ла-ла, тем самым как бы намекая, будто я только и могу, что врать. А я Лала!

– Лала, дочка, в таком виде ты выйдешь на палубу только через мой труп.

– Мам, – закатываю глаза под стеклами очков, – это просто купальник.

– Это ужас какой-то, а не купальник! Посмотри, как скромно выглядит Афина. И Марфа. И... и другие женщины.

Да, действительно. Но Афине вот-вот рожать, какое ей бикини? А Марфе, жене еще одного друга Марата, Браги, кажется, вообще глубоко плевать, что на ней надето. Впрочем, если бы мой мужчина смотрел на меня так, как Брагин пялится на Манюню, я бы согласилась и на гидрокостюм. Но в том-то и дело, что мой не смотрит! Кажется, у меня вот-вот случится истерика.

– Ладно. Хорошо... – ломаюсь. – Я переоденусь.

А может, мое падение началось в тот миг, когда я обернулась, перед тем как уйти, и всем своим телом почувствовала так необходимый мне жар. Антон пялился на меня во все глаза, несмотря на угрозы моего братца, в которых шуточки и реальной опасности выхватить было примерно поровну. Так, словно он вообще не переживал ни за их дружбу, ни за то, что Марат может ему втащить. Кровь у моего брата горячая. Я – неприкосновенная.

Наверное, стоя перед ним полуголой на раскаленной палубе, я уже без страховки летела в пропасть. Просто не осознавала того. У меня не было какого-то плана, только мучительное и чудовищно запоздалое понимание того, что Антон, о котором я бредила, все-таки разглядел во мне женщину. В тот момент я понятия не имела, что мне с этим делать. Помутнение со мной случилось чуть позже.

С Баятом мы сталкиваемся в том самом коридорчике, по которому я возвращаюсь.

– Я все-таки переоденусь, – поясняю жениху. – Не хочу, чтобы все кому ни попадя пялились на то, что твое.

Решаюсь. Сама зажимаю парня у стенки. Закидываю ему руки на шею. Если бы папа это увидел, наверняка бы впервые в жизни меня отшлепал. Плевать. Вжимаюсь своей грудью в мужской торс. Баят неплохо сложен и симпатичен. Должно же заискрить...

– Что ты делаешь?

– Поцелуй меня... – Целует. – Нет, не так! Холодно... –

пытаюсь пошутить, но на самом деле тут не до шуток. Я трусью о жениха, как доступная девка, а у него даже дыхание не сбилось. Весь такой правильный, что аж тошно. Я мне другого хочется. – Я хочу тебя.

Глаза Баята округляются. Да знаю я! Неприлично такое говорить. Я и не говорила этого никому. Никогда. Но ты же мой будущий муж, как так-то?!

– Эм... Ну, до свадьбы всего месяц остался.

Да убейте уже меня кто-нибудь!

– Кхе-кхе.

Я застываю мраморной статуей. И да. Я почти убита. Бетонной плитой стыда.

– Мне бы пройти. Всего лишь, – ровным голосом замечает Назар.

– Да, конечно... – лепечу, шарахаясь в сторону. Мужик он действительно большой. Ни одной тренировки в спортзале не пропускает – как пить дать. Хочется верить, что мышечной массой он пытается компенсировать размер члена, но от этого дядьки веет такой самостью, что я сходу понимаю, как нелепы мои предположения. Он просто фанат качалки, творога и вареной курицы.

– Лала... – начинает Баят, когда Назар скрывается за поворотом. Я прерываю поток его слов взмахом руки. Не хочу ничего слышать. Не хочу снова и снова разочаровываться. Не хочу жить со страшным осознанием того, что вот таким будет каждый мой день с ним. С тоской смотрю на ил-

люминатор. Может, утопиться, и дело с концом? Не надо будет выходить замуж или, наоборот, отказываться от свадьбы. Что то, что другое – хуже некуда. Могу только представить, каким разочарованием это станет для родителей и брата. Хотя Марат тоже хорош! Почему ему можно жениться на ком захочется, а я непременно должна идти замуж за азербайджанца?! Я не хочу. Наша помолвка с Бятом была ошибкой. Я и согласилась на нее лишь потому, что ничего другого мне не светило. Тогда какая разница?

А тут Антон. И этот его взгляд. Горячий. Такой горячий... что у меня трусики мокрые. От взгляда того, с кем меня ничего не связывает! А не от поцелуев парня, который вот-вот станет моим мужем. И это ненормально. Противостоит. Так не должно быть. Меня пробирает нервная дрожь.

– Я пойду, – обхватив себя руками, трусливо сбегая. Понятия не имею, что мне делать! Переодеваюсь в простую футболку и шорты. Внимание привлекает какой-то шум. Прислушиваюсь.

– Хочу тебя, – хнычет жена моего брата. Господи, ей же вот-вот рожать, что вообще происходит?!

– Моя... Ты только моя. Афина! – звук шлепка, секса. – Осторожнее... Я ж не каменный.

– Ты идеа-а-альный. Только, пожалуйста, жестче.

Я закрываю уши. Представляю подобный разговор между мной и Бятом и начинаю трястись в приступе беззвучного горького хохота. Кажется, истерика меня все-таки догнала.

Аллах! Может, я абсолютно недостойная женщина, но я хочу именно так, чтобы меня любили. Чтобы без меня жить, дышать не могли... Я же вижу, как оно бывает. Я так хочу! Так. Что же делать? Впадаю в какую-то странную фрустрацию. А потом слышу – на палубе суета. У Афины начались роды. Приходится и мне выбираться из своего укрытия. Надо заметить, Марат держится просто отлично. Предельно собранный, он не истерит, отдает ровным голосом какие-то указания, а после преспокойно отправляется вместе с женой на берег. Мы же остаемся на яхте ждать. Уже ночью нам сообщают, что у меня родился племянник, которого назвали в честь отца. На палубе опять праздник. Мама плачет от счастья, отец страшно горд. Вино, шампанское и коньяк рекой льются. Первый бокал я беру скорее для того, чтобы занять руки. Второй – потому что после первого узел в груди будто ослабевает. Да, я напиваюсь в темноте, пока мои родители не видят. Ну и что? Меня уже задолбал их фрик-контроль. Меня все задолбало.

Стараясь не сильно шататься, выбираюсь из своего укрытия, и, как назло, передо мной возникает Антон. Подмигивает мне, что-то говорит, но я его не слышу. Я в голубые глаза смотрю и тону в них, как в омуте. Мой затуманенный Ламбруско мозг кипит. Я знаю, что все в этой жизни возможно. Вопрос лишь в цене, которую ты готов заплатить, да... И сейчас я готова поставить на кон все, что имею.

Ведь существует, да-да, существует один простой и вер-

ный способ получить желаемое. Скомпрометировать себя. Упасть так, чтобы уже не отмыться. Пошатываясь, я спускаюсь вниз, толкаю дверь в каюту Антона и забираюсь в его кровать.

Глава 2

Он бежит туда, где горит свет.

Ведь у него внутри пустота и тьма.

«Звонок» Асия

Назар

Рубит так, что я не рискую брать тачку, прилетев на место. Аэропорты – мой дом родной. В каждом городе разные – большие и роскошные, как в Дубае, или маленькие и обшарпанные, как практически везде у нас, если отъехать от столицы чуть в сторону, не суть. Они всего лишь перевалочные пункты на пути... к чему-то. Иногда, устав, вот как сейчас, я не очень понимаю, куда бегу. И на кой мне оно вообще надо. Всего, чего можно, в своем деле я уже достиг. Даже на международный уровень вышел, о чем раньше, оставаясь все-таки реалистом, я и мечтать не смел.

– Господин Звягинцев?

– Да.

– Мне поручено вас доставить на яхту. Позвольте ваш багаж?

Торжественно вручаю водителю ручку от чемодана. Я бы, конечно, его и сам без труда докатил, но мне нужно купить кофе в дорогу. Не то вырубит нахрен. Плетусь к кафешке на выходе из аэропорта. Заказываю три эспрессо в одну по-

суду. Бариста удивленно на меня таращится.

– Мотор остановится, – ненавязчиво замечает он. Как ресторатор, я ценю такую деликатную заботу о клиенте. Но конкретно в этой ситуации все же настаиваю на своем. Помереть от ударной дозы кофеина мне не грозит. В свое время я употреблял и похуже допинги. Убивая себя качественно, чтоб наверняка. И ниче. Вы только посмотрите, какой живучий!

Зеваю так, что трещит челюсть.

– Осторожно. Крышечка неплотно держится.

– Ничего, Юра, – гляжу на бейдж баристы. – Сейчас так у всех.

Парень открыто улыбается, когда до него доходит смысл шутки, но я уже отворачиваюсь. Первый глоток обжигает, крышка и впрямь не держится толком, и я отпиваю гораздо больше, чем планировал, чтобы не облиться. Все равно кайф. Еще немного, и вообще огурцом буду. Что не помешает, я же на праздник еду! У моего лучшего друга день рождения.

С Маратом мы сошлись довольно давно. Хотя, казалось бы, более разных людей не найти. Я – босяк из подворотни, который сделал себя сам при не самых благоприятных вводных. Он – наследник богатых родителей, которым не иначе как чудом удалось не испортить парня деньгами. Панаев – мой якорь в мире цинизма и пошлости. Эталон того, как можно не скурвиться, не сторчатся, не превратиться

в кусок дерьма. Особенно когда чуток приподнялся над другими. Видит бог, в наших реалиях это сложно. Мне нравится, что у него своя философия и четкие установки о том, что хорошо, а что – харам. Панаев мусульманин, я разве не упоминал? Короче, это я к тому, что жизнь – непростая штука. В ней легко потеряться. Зло умело прикидывается добром, а добро порой сущим злом кажется. И все так перемишивается, что уже не разобрать в этом бардаке, где черное, а где белое. А он может. Всегда может отделить зерна от плевел. И так доступно это до тебя донести, что становится непонятно, что ж ты, олень такой, сам до этого не додумался.

В дороге все-таки засыпаю. Может, и к лучшему. Приезжаю помятый, но хоть чуток отдохнувший. На яхте веселье в разгаре.

– Наконец-то! – выходит вперед Марат. – Я уж думал, не выберешься.

Тепло обнимаемся, привычно похлопываем друг друга по спинам.

– Как я пропущу твою днюху?

Братаемся с Тохой и Арсом Брагиным. А следом, чтобы позлить мужиков, сгребаю в объятия Манюню с Афиной. По одному – харам. Но так-то, типа, в шутку, можно же чужих жен потискать?

– Назар! – строго замечает жена Марата Афина. А Марфа, наоборот, смеется. У первой муж мусульманин и свои

рамки. У второй рамок нет. Оттого и реакция разная. Афине важно соответствовать, а у Марфы одни шуточки на уме. Она ученый, уже сумевший сделать себе имя в сфере изучения мозга приматов. И чует мое сердце, Брага – ее любимый подопытный. Обожаю я этих девочек. Смотрю на то, какими счастливыми они делают моих друзей, и... нет, не завидую. Зависть означала бы, что я хочу чего-то подобного, а это неправда. Я лучше со стороны потыкаю в свой цинизм палочкой, мол, вот же, вот, бывают хорошие девочки. Не все такие суки, как тебе в свое время попалась.

В теории я согласен. Искать тому подтверждения не хочу. Я очень хорошо помню, во что неподходящая женщина может превратить даже самого стойкого мужчину. Как сильно его уронить. Потому что я сам едва с того дна поднялся.

Иду в отведенную мне каюту, быстрый душ, шорты, майка. Возвращаюсь на палубу. В стакане под видом виски – чай со льдом. Укладываюсь в шезлонг. Впитываю щебет девочек, разговоры мужиков. Вставить свои пять копеек не удастся, все силы трачу на то, чтобы не уснуть. Рядом мать Марата Зара Джамильевна листает огромный альбом с репродукциями картин известных мастеров, объясняя внучке:

– Смотри, Марьям, это картина Николая Николаевича Ге. Называется «Христос и Пилат».

– Пилат? Калибского моля, что ли? Не очень-то он похож, – кривит губки дочь Марата. Зара Джамильевна смеется. Захлопывает книгу. Я тоже тихонько ржу. Мелкая недоб-

ро на меня косится.

– Так, понятно. Рано еще.

– Что лано?

– Учить тебя.

– Правильно. Лучше я иглать буду. Назал, пойдём поплаваем! Хочу, штобы ты меня кинул в бассейн. – А сама на море глядит. Глаз да глаз нужен за этим маленьким чудовищем. Полным отсутствием благоразумия Марьям явно в тетку. Кстати, что-то ее не видно. С женихом она своим, что ли? Девке восемнадцать всего. Разница у них с Маратом огромная. Но она уже замуж собралась. Вынужден признать, что все-таки не все кавказские обычаи я одобряю. В какой-нибудь Америке Лале даже алкоголь бы еще не продали. И ее жениху, кстати, тоже. И эти безмозглые дети желятсь. Какая жельсть...

Пока я собираюсь с силами, штобы стащить себя с шезлонга, маленькая зараза без объявления войны начинает обстреливать меня из водного пистолета.

– Эй!

Сатанински смеетсь. Снимаю майку и, как был в шортах, ныряю в бассейн, утаскивая пакостницу за собой. Выныривает. Хохочет. Мелкие зубки хищно блестят в лучах солнца.

– А у мамы с папой будет еще один лебеночек, – сообщает мне, как будто я не догадалсь, отчего у Афины такой живот.

– Круто. Хочешь братика?

– Нет. Но меня не сплашивали.

Угораю. Даже если бы мне пришлось не спать еще несколько суток, я бы все равно сюда вырвался. Рядом с этими людьми... не знаю, мои ледники будто тают. Мне хорошо, как, может, бывало только в раннем детстве в гостях у бабушки.

Некоторое время еще бултыхаемся в бассейне. Потом Марьям переключается на близнецов Брагиных, а я обсыхаю на солнышке. Стоим, болтаем расслабленно с мужиками, когда появляется Ла-ла-ла. Купальник, вполне нормальный для дубайских эскортниц, на сестре моего лучшего друга смотрится как на корове седло. Не потому, что он ей не идет. Нет. С формами у девочки все в полном порядке. Лала совершенна, ни один гетеросексуальный самец не стал бы с этим спорить. Но она же из другого теста совсем. И ей к лицу другое. Однако она с бараньим упрямством отрицает свою уникальность, уподобляясь дешевым шлюхам. Вот за это я и не люблю мир, в котором живу. За то, что все навешивают на себя ценники и выставляют на продажу. Мы как в огромном супермаркете – только покупай. Да, еще ж вопрос цены... Ла-ла-ла в деньгах не нуждается. За что ж тогда она с собой так? Только чтобы соответствовать тупой моде?

Врет еще постоянно. Я такой лгуны в жизни не встречал! Хотя я и могу понять, как на современную девочку давят патриархальные обычаи семьи. Ей и погулять хочется, и в клубы-рестораны с подружками выбраться. Куда ее, конеч-

но, не отпускают. И тогда... О-о-о, как она выкручивается! Родители не успевают снимать лапшу с ушей, с такой скоростью она им ее навешивает. Ты куда, Лалочка? А дальше следует полет фантазии, которому бы позавидовал самый упоротый сказочник.

Я в силу своей работы невольно в курсе многих ее секретиков. Однажды Ла-ла-ла даже принимала участие в весьма специфическом танцевальном конкурсе. Я когда ее в высоких стрипах на шнуровке увидел, не поверил своим глазам. Конкурс проходил в моем клубе, и организаторы в последний момент уломали меня заменить кого-то из заболевших членов жюри. В общем, все шло по плану, пока она со своей командой на паркет не вышла. Никто, конечно, не раздевался, конкурс был не про то, девочки показывали уровень мастерства и только, но я все равно охренел. Предполагалось, что Лала без особого успеха занимается народными танцами. Ну, в принципе, не поспоришь. Народ такое любит, ага. Аж слюни у народа текут. Увидела меня, разнервничалась. А в перерыв первым делом ко мне прибежала.

– Ты че творишь? – сощуриваюсь я.

– Ничего такого! Уж кому как не тебе знать, что это просто спортивный танец!

– Лала, если бы ты сама в это верила, то не стала бы меня просить не рассказывать твоему брату о случившемся, – устало вздыхаю я. – Ты же за этим пришла, не так ли?

– Да! – буквально выплевывает. – Не говори ему. Пожа-

луйста. – Это уже чуть не плача. Понимает ведь, как ей попадает. И все равно дичь творит.

– Ты хоть представляешь, что будет, если отец узнает, чем ты занимаешься? Трясешь прелестями перед мужиками...

– Это спорт! – кричит она. – И ни перед кем я не трясу. Я для себя занимаюсь. – Сдувается.

– Тогда чего ж ты на конкурс поперлась?

– Одна девочка заболела. Я заменила, чтобы не подвести коллектив.

Сидит размалеванная вся. Сама, блядь, невинность. Огромные глаза из-за стрелок еще больше кажутся. Или это из-за слез, что Ла-ла-ла едва сдерживает? Не представляю, как в ней сочетается эта совершенно детская невинность с откровенной пошлостью. Стараюсь не смотреть в глубокий вырез декольте. Эта малышка – сестра моего друга. Девчонка без мозгов. А то, что у нее тело женщины, ровным счетом ничего не значит.

Потому что:

– Какого черта она так вырядилась? – сощуривается Марат, глядя на Лалу. – Тоха, рот закрой! Ты на мою сестру вообще-то пялишься! – Фух, ну, слава богу, не мне его отповедь предназначена. Значит, я, даже погрузившись в воспоминания, сумел сохранить лицо.

– Извини, брат, – выставляет перед собой руки бедный Дубина. – Кхе-кхе, она – как бы это сказать... выросла.

Ага. И расцвела. Марат встает, воинственно весь подобравшись.

– Ей почти девятнадцать. Она через месяц выходит замуж, – осаживает его жена.

– Это не означает, что можно ходить вот так... Только посмотри, как на нее пялятся! Антон, блядь!

То, что Марат употребляет мат, свидетельствует о том, что он действительно в ярости. В обычной жизни братишка почти не ругается.

– Смотрят, потому что она – красавица, – ерзает Афина.

– Лала красавица? – недоверчиво протягивает Марат.

– Ну конечно!

– Все равно. Она еще маленькая.

Маленькая. Ага. Я согласен с другом. И поэтому меня тоже немного напрягает реакция Тохи. Тычу его в бок.

– Возьми себя в руки.

– Да блядь! Ты ее видел?

– Угомонись!

Меня обламывает сама эта тема. От нее какой-то педофилией пахнет. Я Лалу лет с десяти-одиннадцати знаю. И если честно, как-то все равно, сколько лет прошло с тех пор. Она просто ребенок. Младшая сестренка лучшего друга. И... все.

Смотрю на часы. Вспоминаю, что обещал позвонить саудитам, с которыми у меня намечается совместный проект в Дохе. Спускаюсь вниз и натыкаюсь на весьма прелюбопыт-

ную сцену.

– Поцелуй меня! Нет, не так! Холодно. Я хочу тебя, – жарко шепчет «просто ребенок» Лала своему недоделанному женишку. Даже у меня от ее сладострастного шепота член к животу подтягивается. А этот идиот блеет что-то про свадьбу, которая аж через месяц будет. Ну, пиздец!

– Кхе-кхе. Мне бы пройти. Всего лишь, – замечаю сухо. Ла-ла-ла бледнеет. Отшатывается в сторону. Не знаю, за каким чертом она решила связать судьбу с этим кретином, но факт – ничего хорошего из этого брака не выйдет. Он ее тупо не вывезет. Впрочем, мое мнение никому не интересно. Да я бы и не стал его никогда озвучивать.

Возвращаюсь к себе. Опять долго стою под душем, с неудовольствием косясь на свой и не думающий опадать член. Ну и чем я в этот момент лучше Тохи? Дерьмо. Мужики – скоты. Вот и все.

Закручиваю краны. Звоню. Разговор затягивается. Выйдя из каюты, узнаю, что Марат с женой отправились на берег рожать. Вместе со всеми жду новостей. Вместе со всеми праздную, когда нам сообщают, что Марат младший родился. Мне так кайфово за друзей. Так радостно, что я позволяю себе два бокала виски вместо привычного одного. Это ошибка, конечно, учитывая то, сколько я не спал, но... Блин, когда еще такой повод будет? От усталости аж шатает. Иду к себе, а у меня в постели Дубина без задних ног дрыхнет. Представляю, как завтра буду его прикалывать. Мол, что ж ты

меня не дождался, милая? Посмеиваясь, выхожу. Походу, мне у него ночевать придется. Вот уже пьянь. Толкаю дверь в каюту и укладываюсь в постель.

Глава 3

*Третий бокал был лишним, точно...
«Такси» Elvira T*

Лала

Качает. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Сон то накатывает, то отступает. В теле дискомфорт. Что-то не так. То жарко, то холодно, и я ерзаю, как гусеница, то заползая под одеяло, то скидывая с себя. Снится мне, будто кто-то рядом. Даже скрывать не буду, я люблю подобные сны. Для меня это единственная возможность почувствовать себя по-настоящему желанной и, если очень повезет, кончить. Мой абстрактный любовник из сна всегда знает, как сделать мне хорошо. Меня знобит – он подгребает меня под себя, согревая жаром своего тела. Мне хочется его поцелуя – и он целует. Скользит губами по волосам, касается плеча, сжимает зубы на холке, будто ставя метку. Или желая доказать свою надомной власть.

Плыву... Отдаюсь его сильным рукам. Мне все равно, как он выглядит. Во сне у него всегда разные лица, или мне так кажется, потому что, как ни стараюсь, я его не могу запомнить. Не суть. Просто чувствую. Жаль, сегодня в мой идеальный сон пробралась боль. Голова будто железным обручем стиснута. Я стараюсь сконцентрироваться на чем-то

более приятном. И мой любовник, будто понимая, как важно меня отвлечь, сжимает в руках мои груди. Это невероятно приятно. Со стоном прогибаюсь в пояснице. Завожу руку назад, обхватываю его шею, изворачиваюсь, выпрашивая поцелуй. Во рту странный вкус. Если бы это происходило в реальности, я бы не рискнула целоваться, не почистив зубы, но... Это сон. И мы целуемся. Влажно, жарко. Смешивая слюну и пошло постанывая в рот друг другу. Пальцы рисуют на моей груди причудливый узор, который постепенно спускается ниже. Как хорошо, Аллах... Я не справляюсь. Меня бьет мелкой дрожью. Утыкаюсь лицом в подушку и бесстыже отвожу согнутую в колене ногу. Даже такое скупое движение отдает колокольным звоном в висках. Что ж такое? Почему мне так плохо? И одновременно с тем хорошо...

Бедра вбиваются в матрас. Я в отчаянии. Мне нужно чуть больше давления. И тут, как подарок, пальцы моего любовника касаются меня между ног. Да-а-а. Выдыхаю. Да! Чувствую тяжелую эрекцию, прижимающуюся к моей попке. Никогда еще мои сны не были такими реальными. Я задыхаюсь. По вискам катится пот. Мне так много всего... Его горячего дыхания сзади, его плотного мужского запаха, который мне безумно нравится, несмотря даже на подкатывающую тошноту, его крупных пальцев, сминающих нежную плоть. Так настойчиво и болезненно. Опускаю вниз руку, сдерживая его напор. Всего-то и нужно – касаться чуть-чуть нежнее. Он ловит ритм, сжимая губами мое ушко. Да-а-а, иде-

ально. Вот так. Рефлекторно подаюсь навстречу, окончательно теряя контроль. И в какие-то совершенно рекордные сроки улетаю в открытый космос...

– Эй! А я? – сонно возмущается мой любовник. Меня бросает в пот. Ужас сковывает затылок, приподнимая тонкие волоски на теле, ведь до этого он всегда молчал. Память возвращается толчком. Отправляя в нокаут. Я в панике распахиваю глаза. Пытаюсь отползти, пока ничего непоправимого не случилось. Рев в ушах усиливается. Как и боль в голове. Впрочем, когда он в меня рывком погружается, я понимаю, что до этих пор ничего не знала о боли. Кричу:

– Нет! Не надо...

По инерции он врезается в меня еще пару раз. И каменеет за спиной, когда я всхлипываю:

– Пожалуйста. Не надо.

У меня болит все тело. Ужасно болит... Я тихо плачу. Он откатывается в сторону и в темноте нащупывает ночник. Свет в каюте включается одновременно с тем, как дверь в нее открывается. И все... Все словно застывает в каком-то безвременье. Пялюсь на застывшего у порога брата. Слезы градом текут по щекам. Я вижу буквально каждую его эмоцию. Непонимание, шок, ужас... Все, будто не со мной.

И этого я хотела? Аллах.

– Марат! – хриплю.

– Прикройся, Лала, пожалуйста!

Он так выглядит, что на него больно смотреть. В ужасе

отворачиваюсь в поисках одеяла, а натываюсь на взгляд Назара. Мои глаза неверяще распахиваются.

– Ты? – выдыхаю едва слышно.

– А ты кого-то другого ждала?

Меня сносит волной исходящей от него ярости. Она пропитывает воздух в каюте. Проникает в легкие, просачивается в кровь.

– Ты изнасиловал ее?! – рычит Марат. – Лала! Он тебя изнасиловал?!

Брат сжимает кулаки и подходит к кровати. Каюта хоть и роскошная, не такая большая, чтобы в ней можно было где-то укрыться от его ярости. Я бросаю еще один панический взгляд на Звягинцева. А тот... Определенно никуда не собирается бежать. Он даже больше не зол. Он закрыт. Нет, эмоционально заколочен. И отстранен. Если я скажу, что меня изнасиловали – ему не жить. Если я скажу, что сама к нему пришла... Жизни не будет мне.

– Нет, – всхлипываю, обнимая себя руками.

– Ч-что?

– Нет. Произошла ошибка. Ч-чудовищная ошибка.

– Ошибка? – ревет всегда, клянусь, всегда сдержанный Марат, подлетая к нам и что есть сил толкая в грудь своего лучшего друга. – Ты трахнул мою сестру по ошибке?!

– Извини, не разглядел в темноте.

– Ты что, вмазанный? Ты под наркотой, да? И ей... ей ты тоже подсыпал?! – Марат лупит Назара, а тот и не сопротив-

ляется. Мне ужасно плохо. Физически – в первую очередь, но еще и от того, что моя дурость выходит боком человеку, который совершенно точно ни в чем не виноват. Он же не виноват, так? Или... Я ничего не понимаю.

– Никто мне ничего не подсыпал! – пишу.

– Да что ты? Может, ты сюда по доброй воле пришла, а?!

На меня никогда так не кричали. Я сжимаюсь в комочек.

Жалкая... Такая жалкая.

– Представь себе! – кричу в ответ, помня, что лучшая защита – это нападение.

– Ты сама пришла к Назару?!

Звягинцев складывает руки на груди и смотрит на меня, иронично приподняв бровь. Он, по крайней мере, в шортах. Их резинка в моей крови. Я сглатываю тошноту. И прежде, чем меня выворачивает на пол, успеваю едва слышно заметить:

– Не к нему. Не... к... нему...

Марат брезгливо отскакивает. Каюта и коридор заполняются людьми, которые, видимо, вышли на крик. Я хотела пасть? Что ж, похоже, мой план сработал. Теперь можно мне умереть? Пожалуйста, можно? Желательно в тишине. Почему все кричат? Мне так ужасно плохо. Уйдите. Просто уйдите. Все. Но нет... Вокруг меня голоса. Мама плачет, ревет отец, я даже Баята, кажется, слышу.

Низ живота болезненно пульсирует, голова раскалывается. А еще меня страшно знобит. Я подтягиваю колени к гру-

ди и начинаю тихонько плакать.

– Уйдите, пожалуйста. Все уйдите! Мне так плохо...
Так плохо.

Сколько злобы вокруг. Сколько горя!

Я эгоистичная свинья? Очень на то похоже...

Думая лишь о себе, я поссорила лучших друзей. Заставила Марата думать плохо о Назаре. Назар... Ну почему именно он пришел ко мне вместо Антона?! Почему я не проснулась? Почему не поняла, кто со мной? Почему мне было хорошо с тем, от кого в обычной жизни я стараюсь держаться подальше? А он? Почему он не остановился? Неужели тоже не понял, что это я? Не удивлюсь. Звягинцев баб меняет как перчатки. Спросонья ему, наверное, вообще все равно, кого трахать.

Что теперь будет?

Знать не хочу.

Меня накрывает очередной вспышкой боли. Я отключаюсь. Выпадаю из реальности, и возвращаться в нее не хочу. Меня отпаивают. Лечат. Гладят... Чудятся нежные мамины руки. Ой, что будет! Наверняка ведь в произошедшем отец станет винить ее. Решит, что это мать меня распустила, а потом не усмотрела и не уберегла.

– Простите меня, пожалуйста. Простите... Я не хотела. Простите меня, – шепчу в горячке и снова проваливаюсь в сон.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я прихо-

жу в себя. Это или раннее утро, или, наоборот, поздний вечер. В каюте витает прохладный ветерок. Пахнет свежестью и кондиционером для белья. А на полу ничто не напоминает о том, что меня вырвало. Все, давно убранное, сверкает чистотой. И только я грязная. Опозорившаяся...

– Проснулась?

Подскакиваю. В голове кружится. Прижимаю пальцы к вискам.

– Марат? Братик... – всхлипываю. – Прости меня. Пожалуйста. Я никогда больше, я...

– А больше и не надо, Лала, – замечает устало. Я прячу лицо в ладонях. Никогда в жизни мне не было так стыдно. Никогда.

– Прости. Я могу... могу что-нибудь сделать, чтобы... – речь сбивается, я сама не очень понимаю, что хочу сказать.

– Ты можешь ответить на некоторые мои вопросы. Основные моменты я для себя выяснил, но все же.

– Я отвечу! Конечно, отвечу, – вскидываюсь, трясую головой. Мои волосы кто-то заплел в косы. Мама... И снова реветь хочется, но я из последних сил держусь.

– Ты действительно сама пришла в каюту к мужчине? – Марат смотрит в одну точку перед собой. Каждое слово ему дается с трудом. Как и спокойствие. Хуже, кажется, ничего быть не может, но тут я вспоминаю, какой день испортила, и...

– Прости меня, пожалуйста. Я не хотела испортить тебе

праздник.

– Это сейчас неважно, – рявкает. – Ответь на мой вопрос. Потому что, клянусь, если до тебя первым доберется папа...

– Я сама пришла к Антону. Да. Не знаю, почему в его каюте оказался Назар. Просто произошло то, что произошло. Мне ужасно жаль.

– Надо полагать, Антон о твоих планах был тоже ни сном ни духом?

Опускаю взгляд в пол и киваю.

– Я давно его люблю. С детства, – тараторю, слизывая слезы с губ. – Мне показалось, что вчера он... понимаешь, ну, как бы... посмотрел на меня как на девушку. Это был мой последний шанс.

– Понятно. Хотя... Нет, блядь, ни черта мне не понятно! А как же Баят?! Его ты не любила, выходит? Зачем же согласилась выйти за него замуж?

– А ты зачем сделал предложение Фариде?

Марат темнеет лицом. Он не любит вспоминать о своем первом, неудавшемся браке. Ведь из-за него он на долгие пять лет был вынужден прервать отношения с Афиной, которую уже тогда безумно любил.

– Просто этого от нас все ждали. Я не хотела никого подводить, – добавляю несчастным голосом.

– В итоге, Лала, ты подвела всех.

Жестоко. Но это правда. Сжимаюсь еще сильнее. Стыд оплел меня паутиной и вот-вот сожрет.

– Я напилась. И мало что соображала.

– Тебя Назар споил?

– Да нет же! Господи, он вообще ни при чем.

– Я так и подумал. – Марат встает. Устало растирает затылок и отворачивается к иллюминатору. – Ты хоть понимаешь, что наделала? Я же... я разрушил дружбу, которой не меньше пятнадцати лет. Подумал о Звягинцеве самое худшее. Обвинил... Набросился. Потерял голову. Он, конечно, тоже хорош. Мог бы и поинтересоваться, кого... А-а-а-а! – резко отмахивается, так и не сказав слово «трахает».

– Мне ужасно жаль. Я извинюсь перед ним. Попытаюсь как-то разрулить ситуацию...

– Ну, уж нет. – Марат мрачнеет. – Ты уже сделала все, что могла. А теперь внимательно меня послушай, потому как дважды я повторять не стану.

Значит, вот он – мой приговор? Ладно. Пока все не так плохо. Сажусь, внимательно глядя на брата. Щеки горят, будто заклеимённые.

– Хорошо.

– Подробности этой истории родителям не нужны.

– Согласна, – отчаянно киваю я.

– Ни про Антона, ни про то, что ты сама приперлась в постель к мужику, мы им говорить не станем. Они этого не переживут.

Мое сердце разбивается на тысячи осколков. Я мучительно сжимаюсь, виновато потупив взгляд.

– Постой, но как же? Я ничего не понимаю...

– Я поговорил с Назаром. Он согласился с тем, что будет лучше озвучить им другую версию.

– Это какую же? – настороженно замираю я.

– Что между вами внезапно вспыхнули чувства и привели... Туда, куда привели. Уж то, что вы переспали, скрыть бы не получилось.

– Понятно. Значит, вспыхнули чувства. И?

– Конечно, в сложившихся обстоятельствах Баят разорвал помолвку.

Еще одна моя жертва. Баят. Я вообще о ком-нибудь думала, кроме себя? Или алкоголь отключил мне мозги полностью?! Никогда больше пить не буду!

– Ясно.

– Я с ним поговорил. Он нормальный парень. Согласился не поднимать шум.

Отчаянно киваю. Конечно, он нормальный. Не зря же мы столько лет дружим! Нужно набраться смелости позвонить ему и все объяснить. Обязательно. Он не заслужил такого к себе отношения.

– Поняла. Значит, свадьбы не будет.

– С Баятом – нет.

Неясная тревога сдавливает сердце. Я прижимаю ладонь к груди, в глубине души уже догадываясь, что за этим последует.

– Ты выйдешь за Назара.

– Нет! – ахаю я.

– Да, – давит на меня взглядом Марат. – Отец потребовал, чтобы Назар повел себя как мужчина. И он сделал то, что должен был. Потому что Звягинцев человек чести. Теперь дело за тобой, Лала. Докажи нам всем, что ты тоже не безнадежна.

Глава 4

*Ты меня не лечи, и не води рукой,
Я уже как большой,
И, сука, сам все знаю...*

«Сам все знаю» Кастийский груз, Гансэлло

Назар

– Я жду. – Обычно спокойный голос Панаева вибрирует от эмоций. Готов забиться, что еще немного, и он снова на меня бросится. Чтобы до этого не доводить, мне по-хорошему стоит поторопиться с ответом, но я молчу, сам находясь на пределе. Внутри что-то мерзко дрожит. Отворачиваюсь к иллюминатору. Там, над морем, разгорается новый день. Яхта размеренно покачивается. Умиротворяющая картина. Казалось бы, полный, мать его, дзен. Только что-то он, падла, не ловится.

– Чего? Моих оправданий? Разве ты уже не вынес мне приговор? – хмыкаю.

– Нет! Я сорвался. Признаю. Но ты поставь себя на мое место. Что бы ты подумал, услышав, как твоя сестра кричит, и увидев то, что я увидел?

– Не знаю.

– Ты ее трахнул, хотя она четко сказала «нет»! – отводит

глаза Марат.

– Спросонья! В темноте! Я понятия не имел, что это Лала. Господи! И я тебя уверяю, что она до последнего принимала в происходящем самое активное участие, а «нет» сказала, лишь когда я уже вошел!

– Избавь меня от подробностей!

– Да запросто! – вскидываю перед собой ладони. – Тогда объясни, что ты хочешь знать, и покончим с этим.

– Ты ее не одурманивал?

Закатываю глаза:

– Нет. И сам я тоже чистый. Вот уже двенадцать лет, четыре месяца и...

– Перестань. Я тебе верю.

– Правда? – деланно изумляюсь. – Значит, мне показало.

– Я был на эмоциях! Объясни мне, как на трезвую голову можно было спутать мою сестру с очередной шлюхой?!

– Да вот так! В темноте бабы не очень-то различаются. А я неделю не спал, дела в Эмиратах заканчивал. Пропустил стакан вискаря за твоего мелкого, и меня к чертям срубило. Кстати, поздравляю.

Марат вскидывается. Светлеет.

– Спасибо. Он... чудо. Настоящее чудо.

Молчим какое-то время. Панаев весь в себе и в воспоминаниях. А я в разорванных чувствах. Черт его знает, как такое дерьмо случилось. И ведь уже не отмотаешь на-

зад. Так, как прежде, уже никогда не будет. Того, что придется оставить в прошлом, мне бесконечно, нестерпимо жаль. Жаль моей дружбы с Маратом. Настоящей такой пацанской дружбы. Чувства братства и сопричастности. Всего того, что было на этих чувствах завязано и составляло значительную часть меня. Можно, конечно, сделать вид, будто ничего не случилось. Но не тот я человек, чтобы играть отведенную роль или заниматься притворством. Реакция Панаева была однозначной. И она ужасно меня задела. Значит, я абсолютно, полностью ему доверял, а он все это время оставался на стреме? Типа, ну, мало ли чего ждать от чувака с таким прошлым, как у меня? А я ведь, сука, всерьез полагал, что хоть он-то в меня поверил. Ошибся и тут. Наивный дурак.

– Значит, Лала пришла к Антону? Он... что, он ей какие-то авансы давал? Что тут вообще происходило, пока меня не было?!

– Ты у меня спрашиваешь? Узнай у сестры, что в ее голове творится.

– Ее жених разорвал помолвку. Слышал?

– Нет. Я в тот момент выслушивал, какая я мразь. Твой отец, кстати, был очень красноречив.

Скручиваю крышку с бутылки и делаю несколько жадных глотков.

Это задело тоже. Пусть я всегда догадывался о том, что из всех друзей Марата для его родителей я был наименее

приемлемым. И это мой косяк, что я в какой-то момент забылся. Поверил в искренность улыбок. Прикипел. Самонадеянно включил себя в их круг. Возомнив едва ли не членом семьи.

– Извини его. Он... ты же знаешь, как нелегко им далась Лала. Ее очень любят. Очень. Понятия не имею, что теперь делать. Если она пришла к Антону и по пьяни вас перепутала... Господи, это просто убьет их. – Марат прячет лицо в ладонях.

– Так не говори про Антона, – пожимаю плечами. – Вали все на меня.

– В смысле? – отводит руки.

– Ну а что? Обо мне они всегда были невысокого мнения, зачем еще портить карму Дубине?

– Это не так, Назар, – сожаление в голосе Марата я слышу не впервые за время этого разговора, но сейчас оно почти осязаемо. Что ж так тоскливо-то?

– Так. Да и похер. – Салютую бутылкой, типа мне дела нет до того, как ко мне относятся. Вранье! Ну, какое же вранье! Уйти бы. Скорее уйти.

– Ты ошибаешься. Впрочем, сейчас не время об этом спорить.

– Значит, поговорили? – с надеждой смотрю на дверь.

– И да, и нет. Осталось самое главное.

– Так давай ближе к делу тогда.

– Понимаешь, как бы там ни было, факт есть факт. Ла-

да лишилась с тобой невинности, и это ее погубит...

– Мне жаль.

– ... если ты ее не спасешь.

– Говори, что я могу сделать.

Назар – супергерой. Ага. Самому, блин, смешно. Меня уже в такую грязь втоптали, а я все жопу рву. Вот какого черта?!

– Женись на ней.

– Запросто, – киваю, но потом до меня доходит смысл слов, и я, выпучив глаза, протягиваю: – Чего-о-о?

– Лала теперь – порченный товар, – Марат морщится. Ему самому неприятно, как это звучит. – Никто из наших на ней не женится. Но ты можешь спасти и ее, и нашу семью от позора. Еще не поздно.

Я открываю и закрываю рот.

– Ты хоть понимаешь, о чем меня просишь?

Марат вскидывает тяжелый взгляд.

– Поступить по чести?

Да блядь! Это же чистая манипуляция. Я это знаю. Он это знает. Более того, он как никто другой знает меня. Это знание как струна, натянутая между нами. И я, пожалуй, никогда еще так остро не ощущал ее, как сейчас, когда она максимально оттягивается и рвется со свистом. Говорят, что самую сильную боль нам причиняют близкие, те, кому мы как себе доверяем, ведь они точно знают, где твоя броня тоньше. Панаев прицельно палит в десяточку. Больно...

– Она же даже не ко мне пришла, – цежу сквозь зубы. – Она не меня хотела.

– Лала сама не знает, чего хочет, Назар. Неужели ты этого не понял? Она маленькая. Ты ее под себя воспитаешь. Ищи в случившемся плюсы.

– Какие, мать его, плюсы? Ты серьезно вообще? Я женюсь, или кого-то удочеряю? Что-то я уже, брат, запутался.

Марат тяжело вздыхает. Конечно, его тоже все порядком достало, но не я же в этом всем виноват!

– Ты не стремился к браку. Я понимаю. Но тебе тридцать четыре, Назар, когда, как не сейчас, жениться? Где ты найдешь лучшую партию? Ну не в своих же клубах! Лала хорошая девочка, чистая. Да, не без особенностей, свойственных юности. Да, немного разбалованная, признаю. Но не гнилая. Она сумеет стать тебе достойной опорой, у нее перед глазами был отличный пример. Ее готовили для того, чтобы она стала верной и любящей женой при муже, как любая другая кавказская девочка. Вы сможете создать крепкую семью и родить детей. Я уверен, что это возможно.

– А любовь, видно, потом придет? – не могу его не подколоть.

– С чьей стороны? – не остается в долгу Панаев. Мы лупим, лупим друг друга... – Не получится – разведетесь. Хуже от этого уже никому не будет.

Ну да. Охренеть. Почему бы не жениться, если потом можно развестись?

– М-да-а-а.

– Так каким будет твой ответ?

– Ну, я же человек чести, Марат, – ерничаю. – Конечно, я поступлю так, как должен.

Панаев прикрывает глаза. В его позе проскальзывает облегчение.

– Спасибо тебе. Ты настоящий друг, Назар, правда.

– Жаль, что, как оказалось, я не могу сказать о тебе того же.

– Назар, – морщится. – Ты просто не понимаешь. У тебя нет сестры... Меня повело, да. Я ошибся. Друзья тоже иногда ошибаются. Я прошу у тебя прощения. Что ж ты такой идеалист?

– А ты? Что ж ты так легко поверил в самое худшее?

– Мне жаль. Очень жаль, друг.

– Проехали.

Я отвожу взгляд, потому что не в силах на него смотреть, и уйти не в силах. Не уверен, смогу ли хоть когда-то это «проехать», но абсолютно точно я не готов поставить крест на нашей дружбе вот так сразу. К счастью, Марат меняет тему.

– Предлагаю небольшое торжество в узком кругу, скажем, восемнадцатого.

– Ты хочешь сберечь честь сестры или окончательно ее опозорить? – хмыкаю я.

– В каком смысле?

– Небольшое торжество? Как будто вы хотите скрыть что-то постыдное?

Марат задумчиво щелкает пальцами:

– А ты что предлагаешь?

– Достойный праздник.

– Ладно. Один хрен уже все заказано и оплачено. Можем и так.

– Нет.

– Нет?

– За свою свадьбу я заплачу сам. И сам ее организую. С меня хватит чужой невесты, не впаривай мне еще и это.

– Справедливо. Но мероприятие такого уровня быстро не организовать!

– Я постараюсь.

Что-что, а организовывать праздники я умею.

– Тогда осталось поговорить с отцом. Он будет не в восторге, предупреждаю сразу.

– Разве не нужно прежде обсудить нашу свадьбу с Лалой?

– Нет. Это лишнее. Она лишила себя возможности выбирать. И прекрасно это понимает. Давай лучше поторопимся, Афина меня, наверное, уже потеряла. Я-то переодеться захотел, а тут... – рубит рукой.

Отец Лалы не то что не в восторге от моего предложения, он в тихом ужасе. Разговаривает со мной через губу, брезгливо морщась, будто перед ним кусок дерьма, а не состоявшийся во всех отношениях мужик, которого любой другой

отец на его месте был бы счастлив принять в семью. Мне хочется развернуться на пятках и уйти, но я, блядь, стою и каюсь. Мало того что за себя, так еще и за Лалу. Типа, нас так захватили чувства, что мы потеряли голову. Простите, пожалуйста. Виноваты. Постараемся все исправить.

– Воспользоваться глупой девочкой... Под крышей тех, кто тебе доверял... – цедит Марат Арзасович, качая головой, будто в попытке утрамбовать в ней сам этот факт. Не понимаю, откуда у меня берется выдержка, чтобы в ответ не огрызнуться. Происходящее чудовищно несправедливо. Видит бог, я с трудом держусь, каким-то чудом этот разговор заканчивая с честью. И самое смешное в этом то, что я ведь до конца даже не понимаю, на кой мне оно все сдалось. Только лишь бы окончательно не потерять друга? А был ли он у меня вообще?..

Выхожу сам не свой на палубу. А там Дубина. Еще один наш общий друг... Смазливый. Я никогда на это внимания не обращал, а теперь вот как-то само собой обратилось. Значит, Лале такие мужики нравятся? М-да. Ну что ж, девочка, боюсь, тебе не повезло.

Смотрю на него, а Тоха взгляд отводит. Получается, и он в курсе, к кому моя будущая жена пришла? Да что ж такое-то! Мне хоть каплю оставят гордости? Сука-а-а.

– Слушай, ты меня прости. Я ж не знал!

– Проехали.

– И что теперь?

– Да ничего, Антон. Женюсь я, – хмыкаю. – Ты ей глазки строил, обнадеживал, а я женюсь. Вот так.

– Да не строил я ничего! – возмущается. – Просто удивился, как незаметно она выросла. Время летит, капец.

Киваю. Краем глаза кошусь на Дубину, чтоб понять, насколько он откровенен. Не было печали. А теперь вот думай, что там у моей женушки в голове. Точней, кто. И вытесняй. Вытесняй... Я же третьего в наших отношениях даже в мыслях терпеть не стану. Для меня это худшее, что может быть. Так как такое со мной случилось?! Чтоб тебя, Лала! Чтоб тебя, мелкая засранка!

– Ну, да, – бросаю вскользь.

– Назар, я тебе клянусь, что пальцем ее не трогал. Вообще. Ни в тот вечер, ни в любой другой. Ну как ты себе это видишь? Она ж как сестренка. Да и Марат бы меня убил, – возмущается Дубина.

– Заметь, я тебе ничего не предъявляю.

– И на этом спасибо. Дерьмовая вышла ситуация. Понятия не имею, как повел бы себя на твоём месте.

– А вот на моем месте себя представлять не надо, – ощериваюсь неожиданно даже для себя. Тоха стоит, удивленно приподняв брови. Дескать, чего это ты, брат? А я чего? Я ничего. Просто, раз такое дело, не хрен мою жену представлять с собой рядом. В одной койке, или просто – не суть. Твой поезд ушел. Вот и иди с богом, а мы тут как-то сами разберемся.

– Осознал. Проникся. – Дубина смотрит прямо в глаза и тянет для пожатия руку. Окей. Жму. Силой не меряемся, ничего друг другу доказывать не считаем нужным. Он признает мое право. И ни на что не претендует. Так на месте Гохи поступил бы любой нормальный мужик. Я бы тоже отошел в сторону. Женщина друга неприкосновенна.

Озвереть. Ла-ла-ла теперь моя женщина. В душе не ебу, что с этим делать. Марат говорит – воспитывать. Удивительно, но он до сих пор так и не понял, что она совсем не такая, как кажется. Но ведь и я не могу сказать, что знаю эту девочку. Скорее мое отношение к ней предвзятое. И надо его менять, если мы хотим действительно построить что-то стоящее.

Мы ведь хотим?

Черта с два, конечно.

Другое дело, что выхода у нас нет.

Глава 5

*Загляни в меня,
Все разграблено начисто, пусто.
Мне как будто отключили чувства,
Мне как будто отключили чувства, да...*

«Худшая» Асия

Лала

– Эй! Кто тут у нас, вы только посмотрите...

Дверь открывается, наполняя мою комнату светом из коридора. На улице ясный день, но тут царит мрак. Я задернула шторы и лежу в постели, старательно изгоняя из головы мысли всякие. Мне хорошо в этой пустоте. Можно представить, что и меня в ней нет. Была девочка, да куда-то делась. Даже когда кто-то ко мне заходит, не проблема ведь сделать вид, что меня больше не существует. Просто молча продолжая пялиться в стену.

Жаль, что этих двоих я не могу игнорировать. Скорей всего, их потому ко мне и прислали. Оборачиваюсь, удерживая на локте вес тела:

– Привет.

Афина нежно улыбается, целуя кулачок сына. Осторожно машет мне его крохотной ручкой:

– Привет, Лала. Я открою шторы? Не то на что-нибудь

напорюсь.

Не желая утруждать жену брата, щелкаю пультом. Шторы расходятся, я болезненно морщусь. Глаза совсем отвыкли от яркого света. Там, за окном, догорает лето, а внутри меня уже давно поселилась зима.

– Ну-ка, дайте мне этого парня! – требовательно шевелю пальцами. Афина опускается на постель, отдает мне Маратика и беспечно откидывается на спину. – Устала?

– Не-а. Когда бы я успела? Мне вообще не дают побыть с сыном. Он то с папой, то с бабушкой, то с дедом! Я даже с непривычки ревную. – Афина смеется, а мне совсем не смешно. Я думаю о том, как тяжело ей было одной с Мариам. Ведь Марат, пойдя на поводу у семьи, в то время женился на другой девушке, и знать не знал, что где-то там у него подрастает дочка. Сколько ошибок мы совершаем, следуя глупым кондовым обычаям? Стараясь поступить по чести так, как того от нас ждут, сколько боли мы причиняем себе и тем, кого любим? Но главное, почему нас это вообще ничему не учит? Ну почему, а?!

– Он такой хорошенький. Вылитый папа!

– Еще бы! – Афина закатывает глаза. – Слушай, может, погуляем? Денек такой хороший.

– Не хочу.

– Ну, ты чего, Лал? Я тебя не узнаю. Лежишь тут какой день.

– Ты разве не знаешь, что я наделала?

Интересно, я теперь когда-нибудь смогу оторвать взгляд от пола? Посмотреть на человека прямо смогу?

– Я не знаю твоей версии происходящего.

– Да кому нужны мои версии? – уклоняясь от взгляда, веду носом по головке Маратика.

– Мне. Я очень за тебя переживаю. Правда. Боюсь, даже молоко пропадет.

Ага. В ход пошли манипуляции. Отрезаю, чтобы их прекратить:

– Никаких других версий тут быть не может. Я опозорила нашу семью. Предала хорошего парня и...

– Даже слышать не хочу этот бред!

– ... все испортила, – упрямо стою на своем.

– Ты поступила так, как чувствовала. Я тебя за это не осуждаю. И вообще, если хочешь знать мое мнение, Звягинцев мне кажется гораздо более подходящей партией. Немудрено, что ты от него потеряла голову.

Чего? Видно, Марат не сказал жене, что я пришла отнюдь не к Назару...

– Seriously? – сдуваюсь я.

– Он такой классный, – Афина трясет перед лицом руками, будто пожар тушит.

– Эй! – открываю рот я. – Женщина, ты чего?!

Одной рукой прижимаю к себе племянника, а другой нащупываю подушку, чтобы запустить в голову его непутевой мамаше. Жене моего брата не пристало облизываться на дру-

гих мужчин. Так что получай! Вот тебе! Вот! Афина визжит. Я улыбаюсь... Нет, она правда считает Назара симпатичным? Видно, у нас совсем разные представления о прекрасном. Хотя, надо признаться, пока я не знала, что он – это он, было хорошо. Очень даже... Щеки обжигает румянец. Я, наверное, последняя шлюха. Нормальная женщина ни за что не кончила бы в руках чужого мужика. Даже во сне. Да-да. Сон никак меня не оправдывает. Не буду себя выгораживать. Со мной явно что-то не так.

– Да ладно тебе. Я шучу. Но Назар – бесспорно красавчик. Как ты умудрилась его окрутить?! Он весь такой правильный. Принципиальный. Строгий. А ты девчонка совсем. Еще и сестра его лучшего друга!

– Как-то так получилось.

Ага. Как-то, блин...

– Ну, и ладно. Кстати, может, ты не в курсе, в околосветских Телеграм-каналах уже мелькает информация о том, что вы с Баятом расстались.

Я в панике распахиваю глаза. Чего я не хочу, так это чтобы эту тему мусолили в прессе. Сама по себе я не представляю для журналистов абсолютно никакого интереса, и даже не питаю иллюзий на этот счет, но как дочь своего отца... Мамочки!

– Папа с Маратом, наверное, в ужасе.

– Да нет. К счастью, никакой грязи не всплыло. Не волнуйся хотя бы об этом.

– А что же тогда писали?

– Гадали, почему вы расстались. Кстати, где твой телефон? Назар не может до тебя дозвониться.

– Назар? – подскакиваю. – А что ему от меня нужно? Папа запретил нам до свадьбы видеться.

– Да. Я в курсе. Словно мы, блин, в средневековье.

Афина нервно пробегается рукой по шикарным платиновым волосам. Я бы тоже хотела перекраситься. Да только кто мне позволит? Брезгливо отбрасываю за спину свои ненавистные черные патлы. Волосы, спускающиеся ниже поясицы. Первым делом, когда выйду замуж, обрежу их наполовину.

– Я очень его подвела.

– Переживет! – фыркает Афина. – А телефон все же найди. Может, тебе и нельзя с женихом встречаться, но он вообще-то прямо сейчас планирует вашу свадьбу. Вот как это делать, когда ты не на связи?

– Так ведь все уже спланировано, – хлопаю ресницами я.

– Кем? Родителями Баята? Назар ни за что на такое не согласится. Это унизило бы его мужское достоинство. У вас будет совершенно особенный, только ваш праздник, ну, доходит?

Не очень. Да и плевать. Я не хочу этого брака. Мысль о том, что я всю жизнь проведу рядом с нелюбимым, пугает меня до жути. Я к Антону в постель полезла, чтобы этого избежать, понимаете?! Но судьба догнала меня. И пере-

играла. С Баятом у нас, по крайней мере, много общего. Мы смеемся над одним и тем же, у нас множество совместных воспоминаний, знакомых, мы говорим на одном языке. Да, между нами не было страсти, но если бы передо мной стоял выбор, между Баятом и Назаром я бы выбрала первого, не задумываясь. По понятному всем критерию – свой/чужой. Впрочем, теперь это неважно. Я сама себе не оставила выбора. И я сделаю, что должна. Соберу себя по кусочку, заштопаю, чтобы как-то реабилитироваться в глазах тех, чье мнение для меня так важно. Я смогу, не сомневайтесь. Я справлюсь. Мне просто нужно немного времени, чтобы залатать треснувшую гармонию мира и почувствовать себя цельной. А там как-то будет...

Марат просыпается. Извивается у меня в руках. Я осторожно его покачиваю, напевая знакомую с детства песенку. Нащупываю спрятанный под подушкой давно разрядившийся телефон. Киваю в сторону зарядки:

– Поставишь?

Афина втыкает провод. Аккумулятор набирает заряд. Телефон мигает, звенит и вибрирует. Сыплются сообщения в мессенджеры.

– Марата разбудим!

– Ничего. Будет ночью крепче спать. Давай-ка его сюда. Тебе надо ответить.

Это точно. Еще бы понять, с чего начать. Подружки пишут, девочки из коллектива, староста. И... Назар. Надо же.

Интересно, кто ему дал мой номер? Марат? Пальцы немного дрожат, когда я открываю сообщение.

«Привет. Лайкни то, что тебе больше нравится».

А дальше на выбор: несколько цветочных композиций, образцы пригласительных, какие-то референсы... Как будто ему правда важно мое мнение.

– Можно гляну? – Афина заглядывает в телефон, смешно вытянув шею. Показываю ей предложенные Назаром варианты.

– Вкус у него отменный, – вздыхает Афина. И это – наивысший комплимент, учитывая, что моя невестка – один из наиболее успешных в мире фэшн-директоров. – А тебе что-нибудь приглянулось?

Лайкаю несколько фото. Афина одобрительно кивает. Нерешительно повертев телефон в руках, набираю текст:

«Извини, пожалуйста, была без связи. Только увидела, что ты писал».

Сообщениям Назара уже три дня. И мне неловко от того, что он мог подумать, будто я... ну не знаю. Забила. Пусть мне довольно сложно представить, что это могло бы как-то его задеть, не хочу выставлять себя стервой.

– А платье?

– Ты ж его сама мне из Парижа выписывала.

– Под твою свадьбу с Бятом!

Осмысливаю. Так-то оно так, но...

– Назар ведь его не видел. Какая разница?

– Большая! Он для тебя знаешь как старается? Было бы неплохо, если бы ты тоже хоть чуточку поднапряглась. Завтра же поедем ко мне в салон и выберем тебе новый наряд. Уверена, он оценит. Или ты тут собралась лежать до скончания века?!

На следующий день Афина, как и обещала, вытаскивает меня в город. Нашей семье принадлежит целая улица, на которой располагаются шикарный торговый центр с брендовыми магазинами и автосалонами, концертный зал, зал торжеств, множество ресторанов и роскошный отель. Компанию нам составляет Марфа Брагина. Мама тоже хотела поехать с нами, но Афина поручила ей приглянуть за внуками.

– Спасибо, девочки, что вытащили меня в люди! – благодарит Марфа, жадно отпивая лимонад из прихваченного с собой стакана. – Я уж думала, тебя упекли в темницу, – порывисто меня обнимает.

– Никто меня не упекал, – вздыхаю.

– Ну да. Ты бы слышала, Афин, какой они подняли крик, застукав Лалку в постели Назара. Я так за нее переживала, думала, у меня и молоко пропадет.

– Еще одна! – закатываю глаза.

– Не-не, мне-то как раз не помешало бы. Арс где-то вычитал, что нельзя совмещать ГВ с беременностью, и теперь выносит мне мозг. Ой, какое платьишко. Тебе нравится?

– Неплохое.

– Больше энтузиазма! Афин, а тебе какое по вкусу? Я со-

всем отстала от моды. Никогда особенно платьями не интересовалась, но вторая беременность подряд пробудила во мне любовь к красивому. Когда я уже влезу во что-то подобное, м-м-м?

– Скоро! – обещает Афина, хитро сощурившись. – Если Брага тебе четвертого не заделает.

– Я ему заделаю! – трясет Марфа кулаком. – А вы, Лал, как этот вопрос решать будете?

– К-какой вопрос?

– С детьми. Тебе, понятно, еще рано. А Звягинцеву сколько? Тридцать четыре, кажется?

Я громко сглатываю. Мне, наверное, нужно привыкать к таким разговорам. Они – часть взрослой жизни. Моей жизни теперь, да... И хорошо, что жены друзей моего будущего мужа приняли меня в свой круг на равных. Откуда им знать, в какую панику меня вгоняют мысли о предстоящей брачной ночи с Назаром? О детях с ним я уж вообще молчу.

– Да мы как-то не успели обсудить этот вопрос.

– Неудивительно. Когда вам было обсуждать? Тебя ж сразу под домашний арест отправили. Кстати, как он? – Афина играет бровями. – Только не говори, что разочаровал. Я на него поставила.

– Чего? – выпучиваю глаза.

– А Марфа против. У нее есть теория, что гурманы не любят оральный секс. Ой, блин... Прости. Кажется, меня занесло, – прикрывает ладошкой рот. Марфа залиvisto смеется.

– Я вот это померяю... – бледнею. – Что скажешь?

– Elie Saab... Дорого-богато. Я бы в этом смотрелась глупо и неуместно. Но тебе очень пойдет.

– Почему ты так в этом уверена?

Тема платьев мне нравится гораздо больше.

– Потому что у тебя очень яркая сочная внешность. Ты во всем этом великолепии не потеряешься, понимаешь? Оно только оттенит твою природную красоту.

В итоге ничего другого даже не смотрим. Платье действительно изумительное. Только нужно немного подшить.

– А давайте отметим покупку, м-м-м? Я ужасно проголодалась.

Марфа с энтузиазмом подхватывает предложение Афины. Я пожимаю плечами. Никаких других планов на день у меня нет. Если только опять в стену пялиться и еще сильнее себя накручивать.

– Это же ресторан Назара? – интересуюсь я спустя каких-то пару минут, с нескрываемым интересом оглядываясь по сторонам.

– Угу, – хитро переглядываются подружки. – А вот и он собственной персоной.

Я замираю под их заговорщическими взглядами.

– Ну, что сидишь? Иди к нему! У тебя есть час.

– Вы что, специально это все затеяли?!

– Ужас, да, на что приходится идти, чтобы вы могли встретиться? Будешь моей должницей.

На нетвердых ногах встаю из-за стола. Что ужаснее? То, что мои самые близкие люди верят, будто у нас с Назаром любовь? Или то, что в реальности ее и в помине нет? Я просто завравшаяся идиотка. Ла-ла-ла! Лучше про меня не скажешь.

– Привет, – улыбается Звягинцев одними губами.

– Привет, – сглатываю.

– Как дела? Ты хотела о чем-то поговорить?

– Нет! – в ужасе выпаливаю. – Это... девочки, ну, знаешь... Они ведь думают, что между нами что-то есть, и... Вроде как нам подыгрывают.

– Понятно.

Я сказала что-то не то? Почему мне кажется, что он отдалился от меня еще на пару сотен световых лет?

– Видно, нам тоже придется им подыграть?

Чувствуя себя крайне неловко, пожимаю плечами.

– Ну, давай, – усмехается хищно, касается моего подбородка пальцами и... целует.

Глава 6

*Сокровище души твоей – роскошь,
Никому не показанная в прошлом,
Оказалась ничтожной, ненужной.
Помочь тебе сложно...*

«Обоюдного счастья» Каста

Назар

Она утерлась. Просто стерла касание моих губ рукой. А потом еще и руку об юбку, блядь, вытерла. Словно одного унижения мне было мало.

Зажмуриваюсь на короткий миг, посмеиваясь над собой. Ну, что я там себе придумал, а? Ну, какого хрена? Как будто правда поверил, что из этого может что-то выйти. Настроил дебильных планов на будущее. Убедил себя, что в словах Марата присутствует здравый смысл. Почему бы и впрямь не воспитать девочку под себя? Это же круто. И даже не столько потому, что до меня ее никто не касался, сколько... Ну, представьте. Девочка, созданная с твоих слепков. Только твоя девочка. Это же сказка какая-то. Так не бывает вообще... Но мне посулили, и я, как дурак, загорелся этой утопичной идеей. Еще сам не до конца понимая, как сильно. В этой жизни у меня не было «моего» человека, даже Марат, как оказалось, им не являлся. А Лала могла бы только

моей стать. Уж я бы постарался. Все что угодно сделал бы. Подождал бы даже, пока она до меня дорастёт. А уже потом, не оставив ей никакого выбора, подождрал бы ее всю. Всю под себя подгрёб бы. Ни перед чем не остановился бы.

Феерический долбоеб. Теперь вот смотрю на ее брезгливо поджатые губы и лечу в какую-то пропасть. В обнимку с самоуважением и планами, которые успел настроить. И не верится даже, что это она со мной на яхте была. Ведь приняв меня за Антона, Ла-ла-ла губ не кривила. Что угодно этими губами делала: целовала, скулила, как сучка, шептала что-то бессвязное, потом кричала, когда стало больно... Но не кривила, нет.

Все так быстро случилось: мое пробуждение, появление Марата, а затем и тестя с тещей, что первое время я о случившемся в койке даже не вспоминал. Как-то не до того было. Оно потом меня нагнало. И та-а-ак пробрало, что ух. Ведь что скрывать? Классно было. Охрененно. Девочка отзывчивая, чувственная, просто огонь. Жаль, не я чиркнул спичкой... Но это я ее целовал. Я сжимал ее охрененную грудь, надрачивал соски и ласкал ее между ножек. И кончила она подо мной. У меня даже сквозь сон искры из глаз посыпались. Так охрененно она кончала.

Вопрос, что это меняет, когда она на меня смотрит так, как сейчас?

Сцепив челюсти, недружелюбно цежу:
– Присядем?

– Да. Да. Конечно. – Оглядывается на подружек. А я ведь бросил все дела, когда Афина мне позвонила. Думал... Да какая разница, что я думал, если это не Лала нашу встречу устроила.

– Ты голодная?

– Д-да. Мы по магазинам ходили. Я выбирала платье.

– Вот как? – равнодушно листаю меню, которое наизусть знаю, потому что сам его утверждал.

– Да. Свадебное. Афина уверена, что тебе не понравилось бы, если бы я надела наряд, который покупала на свадьбу с Баятом. Наверное, это глупости. Ты же не испытываешь ко мне никаких чувств.

– Ну почему же? Ты теперь моя. А чувство собственности у меня развито весьма остро. Афина мудрая женщина. Твоему брату повезло.

– А тебе, очевидно, нет? – вскидывает подбородок Лала. Меня удивляет, что ее взволновало окончание моего монолога, потому что гораздо больше смыслов я вкладывал как раз таки в его начало.

– Заметь, это не я сказал. Ты как относишься к морепродуктам?

– Нормально. Хочу, чтобы ты знал, я не планировала происходящее.

– Да уж поверь, я догадался.

– Сейчас я страшно жалею о том... о своем поведении.

Да блядь. Ну, давай, еще заплачь. Отрываюсь от меню.

Гляжу на нежные ручки Лалы, в которых она нервно крутит нож. Я не люблю, когда у женщины длинные когти, но ей они удивительным образом идут. Некстати вспоминаю, как Лала царапала мой затылок и прижималась спиной. Страстно извиваясь при этом...

– Ясно.

– Нет, ты не понял. Я хочу сказать, что мне очень жаль.

– Ты именно так и сказала. Поверь, мой ай кью достаточно высок, чтобы воспринимать информацию с первого раза, – сощуриваюсь.

– Я говорю не только о себе! Мне жаль, что я тебя втянула в свои проблемы. Испортила твою жизнь.

Ах это... Ну что сказать? Для Лалы не все потеряно, если она переживает о ком-то, кроме себя. Немного оттаиваю.

– Ничего кошмарного не случилось. Все живы и здоровы. Это главное.

Краем глаза ловлю знакомые лица у входа. Чертыхаюсь под нос. Лала что-то говорит, но я, не дослушав, перебиваю:

– Я на пару минут отойду. Дождись меня.

Звонки телефона я еще мог как-то игнорировать. Но тут...

– Привет, Юля! Какие люди... – целую воздух у уха главной светской обозревательницы, чтоб ей пусто было!

– Назар! Вот так встреча. Все интереснее и интереснее. Ну-ка колись, Панаев заставил тебя развлекать приунывшую после расторжения помолвки сестрицу? – шепчет громко. –

Удовлетвори мое любопытство, правда говорят, что она своего женишка застучала с какой-то телкой?

– Врут! И, кстати, мы же договорились не строить никаких домыслов на этот счет.

– Помню-помню. Ты теперь мой должник! Такой эксклюзив зарубил мне. Чем только расплачиваться будешь? – широко улыбается и ведет пальчиком по рукаву моего пиджака. Юлька занимается тем, что создает и раскручивает каналы в Телеграм, а потом продает всем желающим блоки на рекламу, или какую-то новость, ну, знаете, какая сейчас журналистика. Мне стоит немалых усилий сделать так, чтобы расставание Лалы с Баятом осталось максимально незамеченным. Но игра стоит свеч.

– Как насчет вкусного обеда? – включаю обаянье по полной. Бабы меня любят. А в глазах понравившегося мужчины им очень важно выглядеть лучше, чем они есть. Вот на это я и давлю, чтобы отвести от своей мелкой дурочки сплетни. По себе знаю, как прессует хейт. Не хочу, чтобы Ла-ла-ла парилась. Хотя, может, ее и стоило бы разок проучить.

– Я бы подумала, предложи ты мне вкусный ужин с не менее вкусным продолжением, – смеется Юлька, и непонятно, шутит ли она, или всерьез себя предлагает.

– Боюсь, дорогая, я потерян для женщин. Мое сердце уже отдано, – дурашливо кланяюсь и развожу руками.

– Да ничего. Главное, чтобы член на месте остался, – заливается Юлька. – Или тебя и там крепко держат?

– Вот так! – сжимаю руку в кулак, показывая, как сжата рука на моих яйцах. Юлька серьезнеет.

– Реально, что ли? Ну-у-у тогда гони эксклюзив. За тобой ведь должок. Кто умудрился поймать за хм... хвост нашего неуловимого?

– Дай мне неделю, и все узнаешь.

Ну а что? Дам пару фоток со свадьбы. Напишет чего-нибудь. Другие каналы подхватят со ссылкой. Ей – трафик. Нам – ни холодно ни жарко. Все равно все обо всем узнают. А так, по крайней мере, Лалу оставят в покое с этим разрывом.

– Умеешь ты держать интригу! Опа! А это Марфа Брагина? И ты молчишь?! Я за ней месяцами охочусь...

– Никакой съемки в моих заведениях, Юль. Ты в курсе правил.

Юлька сощуривается.

– Вот люблю тебя, Назар. Но твои заебы...

– Большой-большой эксклюзив, – играю бровями я. Юля закатывает глаза, – и бронь на любой столик в любом моем ресторане до конца года.

– Без ножа режешь! – уходит с тяжелым вздохом. Можно и мне выдыхать. Хоть тут порешали. Оборачиваюсь. Лала-ла сидит, делая вид, что ей дела нет, с кем я говорю. Зато ее подружки на меня во все глаза пялятся. Особенно Афина. Она в курсе, чем занимается Юлька, и... как будто ждет от меня какого-то подвоха? Да ладно!

Поворачиваюсь и вижу, как на меня несется маленький ураган. В последний момент умудряюсь сориентироваться и, чуть присев, распахнуть объятъя. Тёме уже семь. Раньше я его подбрасывал в воздух, но сейчас он слишком большой и тяжелый для этого.

– Привет!

– Привет.

Мать мальчика неторопливо подходит ко мне.

– Я вообще-то на работу шла, но Артем увидел тебя в окно и настоял, чтобы мы поздоровались.

Ольга работает на меня. Отвечает за шоу-программу в клубе, ставит номера, устраивает вечеринки. Мы с ней два сапога пара. Будто и впрямь из одной коробки вынутые. Я все знаю про нее. Она – про меня. История у нас обоих не очень. Одни и те же вводные. Родились в маленьком городке, родители – горькие пьяницы, которым до детей нет никакого дела, никаких перспектив, что я, что она пробивались с самого низа. Семь лет назад я помог ей уйти из эскорта и сохранить беременность. Мы на одной лестничной клетке тогда квартиры снимали. Ну, и насмотрелся я, как девочку ломали. Несколько раз порывался помочь, она все отнекивалась, мол, все классно, не жизнь у меня, а малина. А потом залетела каким-то чудом, и надо было ее оттуда вытаскивать просто край. Я и впрягся. Делая это больше для себя, чем для нее, да. Зарабатывая плюсики к карме. Как женщина она мне была не нужна. Да после всего, что с ней сделали,

Оля и сама от мужчин шарахалась. Нас прибило друг к другу лютое одиночество, такое, знаете, когда некуда и не к кому идти, тысячи пьяных разговоров, и общее дело, конечно. Уж не знаю, верите ли вы в дружбу между женщиной и женщиной, но я как-то так наши отношения расцениваю. Оля – друг и соратник. Тёма – мой воспитанник. Любому парню нужно мужское общество, а кроме меня он никого и не знает. Вот я и нянчусь под настроение. Мне в радость.

– Ты почему так долго к нам не приходил?

– Было много дел. А ты почему не в школе?

– Воспаление хитрости у него, – хмурится Ольга. – Живот, видите ли, болит.

Тема виновато отводит глазки:

– Пойдем к тебе?

– Не-а, дружок. Ничего не выйдет. Боюсь, ты сегодня зря симулировал. У меня полно дел.

– Я так и сказала этому поросенку! Но кто меня слушает? – усмехается Ольга, взбивая пышную гриву. – Тём, говори Назару «пока», мы уходим. Представляешь, Аленка что начудила? Говорит, у шефа свадьба, надо оркестр ангажировать на двадцать шестое...

– А я тебе не сказал? Ч-черт. Забегался, значит.

– Не сказал что?

– Ну... Про свадьбу.

– Нет. – Улыбка на Олином лице застывает. – Звягинцев, если это шутка, ни черта не смешно!

– Да нет. Какие тут шутки? Я, кстати, с невестой здесь. Извини, она меня заждалась. Потом все обсудим, ага? И оркестр очень надо...

Делаю мелкому сливку и быстро отхожу. Я и правда возмутительно много времени из нашего, с позволения сказать, свидания с Лалой уделил другим.

– Извини, пожалуйста. Дела. На чем мы остановились? Ты, кажется, винулась, что испортила мне жизнь?

– Что-то вроде того.

– Ну, как я уже сказал, ничего непоправимого не произошло. Никто не мешает нам жить свободно.

– Значит, вот как ты видишь наш брак? – голос Лалы звучит бесцветно. Не глядя на меня, она ковыряется в тарелке. Такая красивая, и такая грустная в льющемся из окна свете. Как будто за чудовище с тремя головами выходит замуж.

Оглядываюсь, не торопясь с ответом.

– А как ты его видишь, Лала?

– Я не знаю, но... – облизывает губы она, – я постараюсь быть хорошей женой. В благодарность за все, что ты сделал для моей семьи. Я ведь понимаю, что ты не хотел меня. И был не обязан меня покрывать...

Не хотел, да. Когда-то давно. Будто в прошлой жизни.

– Лала, благодарность – это совсем не то, что мне от тебя нужно.

– А что тогда? – шепчет она, сжимая пальцы так, что они в костяшках белеют. О, да господи! Неужели она думает, я ее

силой возьму?

– Лала, вокруг много женщин, которые с радостью удовлетворят все мои потребности. Я тебя ни к чему принуждать не стану, за кого ты меня держишь?

Ярость едва контролируется... Я дышу, чувствую, как она пульсирует где-то в горле.

– Ни за кого. Ты неправильно меня понял.

– Ну да, – усмехаюсь. – Давай сойдемся на том, что я тебя удочеряю на пару лет. Если это перетечет во что-то большее – хорошо. Нет – разбежимся. Марат заверил меня, что твоя семья будет не против. Ну? Я прояснил ситуацию? – кошусь на часы. Лала кивает. Встает как-то дергано, сгребает с соседнего стула сумочку:

– Более чем. До встречи, папочка.

Ну, и какого хрена это сейчас было? Разве я не предложил ей идеальный план? С хрена ли Ла-ла-ла на меня взъелась? Пойми эту молодежь.

Глава 7

*Сишты наживо
Без свидетелей наши запястья,
Неосознанно ты стал моей частью,
частью, частью меня...*

«Худшая» Асия

Лала

– Ты можешь этого не делать.

Да, мама, спасибо. Главное, ты очень вовремя об этом напомнила. Сажу перед огромным во всю стену зеркалом в фате и платье, специальные лампы светят в лицо. Я где-то читала, что к заключенным в тюрьмах применяются пытки светом. Палачи просто не выключают его. Сутки, вторые, третьи... И это медленно сводит с ума.

Дрожащими руками поправляю бриллиантовую заколку в прическе.

– Мам? Ну, ты чего? Все нормально.

– Тебе никогда не удавалось меня обманывать, Лала. Никогда. Я чувствую, что все не так, как вы говорите. Ты же не хочешь этой свадьбы, девочка. Я чувствую, что не хочешь!

В красивых глазах матери сверкают слезы. Я очень хорошо осознаю, кто стал их причиной. И осознание того, что я сделала несчастными самых близких, давит на грудь гораз-

до сильнее плотно зашнурованного корсета. От меня одни беды. Все уже переругались. Даже папа с братом. В семье, где всегда царили мир и гармония, теперь полный разлад. А ведь так не должно быть. У нас Маратик родился... Для счастья не может быть лучшего повода! Но все смазано тем, что я учудила.

Буквально вчера я подслушала такой разговор:

– Это ты подал пример сестре! – говорит отец.

– О, теперь уже и я виноват.

– Не разведись ты, не женись на Афине, Лале бы и в голову не пришло, что можно нарушить наши традиции!

– Вот как? Я думал, ты принял мою жену. Что ж. На будущее буду умней.

– Я принял!

– Да я вижу, – не без горечи замечает Марат. – Знаешь, мы лучше поедem домой.

– Я вас не гоню! Афина чудесная, просто... Да что происходит-то?!

– Лучше нам взять паузу, отец. Не то мы наговорим друг другу то, чего никогда не сможем простить.

– Марат! – сипит в отчаянии папа.

– Если что – звони. Мы с Афиной на связи.

Я трусливо шарахаюсь в сторону и прячусь за шторкой, умоляя небо, чтобы брат меня не заметил. Мне так стыдно, что я все испортила! Я понятия не имею, как это исправить. Извиниться? Глупости. Слова здесь не помогут. Все, что мои

родители строили столько лет, все, на чем наша семья основывалась, рушится на глазах. Словно какая-то лютая хтонь сносит все, что нам было дорого, и, оторвавшись друг от друга, мы разлетаемся кто куда.

Смаргиваю застывшую перед глазами картинку. Ресницы тяжелые от туши. Те у меня и без всяких ухищрений длинные и мохнатые, а так вообще, будто метелки. Афина была права. Даже такое богатое платье не может меня затмить. Но оно – отличная декорация, если хочется спрятаться от внимания.

– Очень-очень хочу, мам, – вру безбожно. – И твои слова меня очень расстраивают. Я знаю, что повела себя не лучшим образом, но...

– Это сейчас неважно совсем! Как ты не понимаешь? Для нас с отцом главное – твое счастье!

Не реветь! Не реветь, блин. Ведь если я зареву, декорации придут в негодность и обнажат то, что я так отчаянно хочу спрятать ото всех.

– Мамочка, я счастлива. Очень. И буду еще счастливее.

Ага. С мужиком, который собрался меня «удочерить»... Который смотрит на меня как на неразумного ребенка и даже мысли не допускает остепениться. Вот что мне делать? Терпеть? Делать вид, что я не знаю о его бабах, даже когда они сами лезут в глаза, как тогда, когда мы с ним вместе обедали? Назар даже не посчитал нужным как-то оправдаться. Наоборот. Он бравировал тем, что «вокруг много женщин,

которые с радостью удовлетворят все его потребности».

И тут бы мне, конечно, выдохнуть с облегчением. Разве это не классно, что он не будет ко мне лезть? Но... А как же гордость? Мы публичные люди, и если мой муж будет выставлять свои измены напоказ, мое достоинство будет втоптанно в грязь.

Или он тоже не против, чтобы я жила как хочется? Если я с Антоном лягу, ему будет все равно? Тогда как с этим соотносится Назарово «Ты теперь моя. А чувство собственности у меня развито весьма остро»?! Означает ли это, что он считает, будто мужчине позволено все то, что для его женщины – харам?

Я ничего... ничего не понимаю. Меня швыряет из стороны в сторону. Кажется, мое сердце просто не выдержит перегрузок, на которые я сама себя обрекла. Я знаю, что уже никогда не будет так, как было, а как будет – не имею понятия. Мне нужен какой-то якорь. Но его нет. Я отчаянно пытаюсь найти опору внутри себя. Вдох-выдох, вдох-выдох. Корсет мучительно сдавливает ребра. Сердце колотится в клетке все тише...

– Лалочка, ты понимаешь, что делаешь?

– Ну конечно, мам!

– Знай, пожалуйста, что ты всегда можешь вернуться в наш дом. Мы с папой любим тебя. Очень любим.

«Несмотря ни на что?» – повисает в воздухе. Вчерашняя я, та, которой так не хватало страстей и эмоций, теперь

тонет в них с головой, захлебываясь... Наверное, именно эти слова хочет слышать всякая сбившаяся с пути девочка. Я не заслужила их, и потому меня боль пронзает.

– Спасибо, мамуль. Я тоже вас очень люблю.

– Зара! Ну, сколько вас еще ждать? Мы опоздаем на роспись, – доносится снизу голос отца. Мама торопливо стирает слезы.

– Готова?

Решительно киваю и шагаю к выходу. У двери оборачиваюсь, чтобы напоследок посмотреть на свою детскую. Как-то быстро я выросла. Мы даже не успели в ней сделать ремонт. Розовые обои, белая мебель, плюшевые игрушки. Одним словом – детский сад. Боже, куда я лезу? Мамочка миленькая, пожалуйста, можно я еще побуду малышкой? Зачем я так стремилась в эту взрослую жизнь?! Я к ней совсем не готова.

– Идем, доченька?

– Ну конечно.

У дома всего одна машина. Я еду вместе с матерью и отцом. Салон, конечно, просторный, но юбки и шлейф моего платья достают до всех, как их не приминая.

Торжество планируется провести в одном из лучших залов столицы. Назар – православный, поэтому о традиционной свадьбе, о которой я с детства мечтала, даже речи не заходило. А какой будет нетрадиционная – мне откровенно плевать. В организацию я не вмешивалась.

– Вы чего так долго?! – возмущается Афина, когда мы подъезжаем. – Все уже на местах. Ждут только невесту, – выговаривая нам, она по очереди обнимает маму и папу. – Пойдемте скорее!

Афина представляет нам распорядительницу свадьбы. Та сразу же берет ситуацию в свои руки.

– Марат Арзасович, вам нужно будет вывести Лалу вот в эту дверь.

– Что значит вывести? – сводит брови отец.

– Пройти с ней через проход. Как в американских фильмах. Вы наверняка видели.

– Зачем это? – я пугаюсь.

– Чтобы было торжественнее! Ну же... Давайте. Жених и гости уже заждались. Вы опоздали на семь минут.

Выходит, семь минут Назар стоял возле алтаря, или как, черт его дери, это называется?... абсолютно один?

– О таком нужно предупреждать заранее, – недовольно замечает папа.

– Ничего. Ты справишься, папочка, – как в детстве, сжимаю его пальцы в руке. С тех пор, как я все испортила, отец, кажется, ни разу не взглянул на меня прямо. И это было так ужасно, что я выплакала все глаза. Раньше он звал меня своей принцессой...

– Ты такая красавица... – качает головой папа, окидывая меня взглядом. – Моя маленькая девочка, когда же ты выросла? – обнимает. – Нет-нет, не плачь. Не вздумай.

– Нужно идти! – нервничает устроительница.

– Готова?

Нет! Аллах, я не хочу! Идиотская ситуация. Меня будто против воли отдают замуж. По крайней мере, чувства примерно такие. А ведь я сама... сама на этот брак согласилась. Красивая деревянная дверь распахивается перед носом. Вцепляюсь пальцами в предплечье отца. Кажется, даже звучит какая-то музыка, но из-за рева в ушах я не могу разобрать, что именно играет.

«Бам-бам-бам», – колотится сердце. Шуршит ткань. Отовсюду слышатся охи-ахи. Шаг. И еще один... Ничего не вижу. Ни-че-го. Моргаю, чтобы навести резкость. Сколько людей! Родные, близкие, друзья... Даже мои подружки, которых шокировал наш разрыв с Баятом, здесь. Сидят, открыв рты, шепчутся. Может, обсуждают, какая я вертихвостка... Держу спину прямо, а голову высоко. Не ради себя... Ради себя не стала бы. Но ради мамы и отца, Марата и Афины еще как-то держусь. Концентрируюсь на деталях. Назар очень постарался. Вокруг невероятно красиво. С потолка низко-низко свисают гирлянды белоснежной глицинии и какая-то зелень. Горят свечи, ветерок колышет их пламя. В зале открыто окно. Я почему-то никак не могу отвести от него взгляда. Вспоминается старый фильм про невесту, которая сбежала со свадьбы.

Скользю взглядом дальше по лицам родных, натянуто улыбаюсь Брагиным. Замираю, натолкнувшись на взгляд

Антон. И успеваю заметить в его глазах неприкрытое восхищение, до того как тот овладевает собой. Я умру сейчас, просто умру... Почему все настолько несправедливо? Я ведь была у цели. Если бы тогда все пошло по плану, сейчас я бы шла к нему!

Антон отворачивается. У него больше здравомыслия. Мне не мешало бы последовать его примеру, но я почему-то мешкаю. Папа незаметно похлопывает меня по руке. Я отмираю и снова бросаю взгляд на приоткрытую створку окна... Удивительно, какой четкой выходит картина перед глазами. Я никогда не употребляла наркотики, но, кажется, так бывает только под химией. В мягком свете танцует пыль. Окно манит...

В первом ряду сидит бабулечка в платочке. Божий одуванчик. Не знаю, почему именно об нее я спотыкаюсь. Трезвею. Еще раз незаметно прохожусь по лицам собравшихся. Так и есть... Здесь все свои. Гости со стороны невесты. Со стороны жениха лишь эта бабушка?

И вот только тогда я впервые догадываюсь посмотреть прямо перед собой. Хоть проход довольно-таки длинный, мы уже почти у цели. Я могу разглядеть лицо Назара, поймать его эмоции. И понять. Что ни в какое окно я не выпрыгну, и не убегу. Просто потому что никогда так не унижу мужчину, который даже осознав, что я задумала, стоит на месте... Один во всем мире. Один против всех... И смиренно, с легкой скукой, написанной на лице, ждет, когда я

его опозорю.

Аллах! Аллах милосердный, что я чуть было не сделала?! Чего стоили мои метания такому гордецу? Нет-нет, я, может, трусливая дурочка, но я знаю, что такое честь.

Удерживая его взгляд, еще сильнее выпячиваю вперед подбородок. В два шага преодолеваю разделяющее нас расстояние и, не дожидаясь, пока мой отец передаст меня с рук на руки жениху, сама переплетаю наши руки. Десятки эмоций на его лице стремительно меняют друг друга. Тут и облегчение, и изумление, и насмешка. Над собой? Или надо мной...

– Дамы и господа, мы собрались здесь...

Мои дрожащие пальцы ободряюще сжимают его горячие и сухие. Вцепляюсь в эту ладонь как в якорь, о котором так сильно мечтала. На автомате говорю «да». В конце концов, это простая формальность. По факту мы еще с вчера муж и жена. О чем расписались в толстом журнале. Происходящая церемония – просто красивая бутафория для гостей.

– Теперь можете обменяться кольцами.

Я протягиваю дрожащую руку. Темная бровь Назара ползет вверх. Я опускаю взгляд на пальцы и понимаю, что забыла снять кольцо Баята! Меня будто холодной водой окатывает. Тремор многократно усиливается. К счастью, хоть Назар не теряется. Прикрыв нас своими широкими плечами, стаскивает чужое кольцо и надевает свое.

– П-прости.

Молчит. И кивает на второй ободок. Стильный и гораздо менее вычурный, чем мой. Мне страшно даже взять его в руки. Вдруг упадет? А с этим столько дурных примет связано! Медлю... А он стоит и ждет. В конечном счете, чуть не плача, хватаю кольцо и махом надеваю ему на палец.

– Жених может поцеловать невесту.

За спиной звучат аплодисменты, поздравления и смех. Я не хочу этого, но... Аллах, нельзя же так! Он старался. И прекрасно украшенный зал, и церемония... Ломящиеся столы. Это все организовал он, хотя и не должен был!

Назар хмыкает, наклоняется, а я... Я ласково накрываю его щеки ладошками и подчиняюсь. Отдаюсь. Пусть!

Глава 8

*Там за стеной танцевали тени.
Кто мы с тобой? Кто мы такие?
«Некуда бежать» НЮ*

Назар

Все считал. У моей жены очень живое лицо. Именно поэтому она не умеет врать. Мне не умеет так точно.

Ударило? То, что в окно хотела убежать – нет. А вот как на Антона смотрела... Неожиданно очень. Не прицельно, но прямо в десяточку. Все аж дрожит внутри. Маленькая дуручка, что ж ты делаешь? Машешь красной тряпкой ведь. Запускаешь такие химические реакции в организме, что ой. Гормоны бесятся. Чувство собственности – это же физиология, банальная биохимия, ты в курсе? Ревность, любовь... конкуренция – наркота, зависимость. Доза, которую хочется во что бы то ни стало получить. Помнишь, как жестоки самцы в борьбе за самку? Готовы глотку друг другу перегрызть. И к тому, что тебе перегрызут, готовы... Не страшно, Лалочка, в это лезть?

Мне вот, взрослому дядьке, очень. Это те чувства, которых я избегал много лет. Придушить бы тебя, мелкая, за то, что ты их воскресила. Или ты не со зла, Ла-ла-ла, а?

Не отпуская взгляда, веду жену в танце. «Опомнись.

Не надо нам это. Не натягивай струны, лопнут. И будет всем плохо».

– И-извини.

– За что на этот раз? – улыбаюсь, боковым зрением отмечая, что за нами следят объективы нескольких камер. Веду губами чуть повыше ее ушка, давая парням контента. Нам нужны фотографии. Для рекламы. Заведение новое, вот-вот открытие. И то, что я выбрал его для своей свадьбы, задерет планку. Это отличный, хорошо спланированный маркетинговый ход. И ничего больше.

Лала в ответ трепещет. Ух... Ладно, если я все это вывезу, фото еще и внукам можно будет показывать.

– За то, что забыла снять кольцо.

– Проехали.

– Ты мне его отдай, ладно?

– Зачем? – напрягаюсь.

– Я его Баяту верну.

– Боюсь, не выйдет. Нет его больше.

– Как нет? – хлопает ресницами. Глаза у нее странные. Темные, да, как и она вся. Но такие... будто прозрачные. Совершенно удивительные глаза. Никогда раньше этого не замечал.

– Я его выбросил.

Комично приоткрывает рот. Обхватываю затылок жены ладонью, пряча лицо у себя на плече. Кроме камер за нами наблюдают почти две сотни приглашенных. Не хочу, чтобы

они ее глаза видели. Там слишком много всего, только мне предназначенного.

– Ты не имел права.

– Почему? Я подарил тебе покруче колечко, – усмехаюсь. Лала отлепляется от меня. В глазах – шторм.

– Разве дело в цене?

Нет? Что ж... Она единственная на моей памяти женщина, которой это не важно. Все-таки девочки, выросшие в достатке – это что-то. Ничем их не проймешь.

– Конечно. Глядя на твою руку, каждый поймет, как много ты для меня значишь.

«И не рискнет лезть», – добавляю про себя. – «Если не смертник».

Хотя... может, она и стоит того, чтобы рискнуть.

Лала облизывает губы.

– Очень броское.

– В этом весь смысл.

Моргает. Ага. Вижу, до нее что-то доходит.

– Я устала.

– Пойдем в номер.

– Что? Нет. Я не об этом...

У нее даже запах меняется – в такой она панике. «Дожился, Звягинцев». Чувствую себя Чудовищем из мультика. Мда уж. Давно я ничего подобного не ощущал. Ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Бесит страшно. Глядя на это все, понимаю, почему предпочитал женщин постарше. С опытом

и окрепшей психикой. Тут же, блядь, как на качелях.

Хочется повторить, что я ее и пальцем не трону, пока она сама того не захочет. Но мои демоны требуют мяса. Хотят, чтобы я немного ее помучил, проучив за то, что она такая непонятливая. И я подчиняюсь им.

Хочешь строить из себя жертву? Я тебе подыграю.

– Почему ты решил провести эту ночь в гостинице?

– Потому что у нас дома бабушка. Не хочу, чтобы нам мешали.

Ла-ла-ла вздрагивает дважды. На словах «у нас дома» и «нам мешали».

Такая красивая в этом платье. Такая напуганная. Запутавшаяся в собственных же интригах и желаниях. Все правильно, Лала. Бойся. Лови последствия. Похмелье для того и придумано, чтобы больше не хотелось повторить. Если бы не оно, мы бы все давно спились.

Усмехаюсь. Марат сказал – воспитывай. Я, кажется, неплохо вживаюсь в роль.

– Как дома?! Она уже уехала? Мы даже не пообщались.

Музыка стихает. Я подталкиваю Лалу к нашему столику.

– Она старый человек, который не очень комфортно себя чувствует в обществе богатых и знаменитых. Да и тяжело ей уже на ногах... Познакомитесь завтра.

Если честно, я вообще не знаю, зачем притащил бабулю сюда. Может, порадовать хотел перед смертью. Она очень переживала, что я все один да один. Теперь ей будет спокойнее.

А может, чтобы открыть глаза Лале на то, что я такой, какой есть. Не хочу подкармливать ее иллюзии. В плане родословной я... не Антон. Ухмыляюсь, наблюдая за тем, как моя Лала-ла напивается.

– Хватит. Пойдем.

– Но...

– Достаточно, – отрезаю, придавливая ее взглядом. Молчит. Глядит в пол. Надо признать, что в основных моментах воспитывать ее не надо. Все же ей с детства внушали, что дело женщины – слушаться и подчиняться. Ч-черт. Это немного меня взрывает. Затылок покалывает в предвкушении. Демоны, раззадоренные кровью, ощериваются. Бью их по мордам. «Фу!»

Сбегаем, стараясь не привлекать внимания. Но все равно нас выходят провожать. Родители, Брагины, Марат... Афина на празднике тоже была недолго. Все же Маратик еще совсем маленький. Ему мама нужна.

Жмем руки. Марат выглядит обеспокоенным. Бросает взгляды то на меня, то на сестру, то... на Дубину, который тоже за каким-то чертом выперся. Ну, ты-то еще какого хрена, Тоха? Нравится девочка моя? Разглядел? Веду бровью. Мол, хочешь зарубиться? Прикрывает глаза. Дергает головой. И выставляет перед собой руку, мол, брат, не гони, я в стороне, че ты нервничаешь? Хороший друг. Верный. Мы не раз делили с ним женщину. Одну на двоих, да. Было по приколу.

Это не тот случай. Он понимает.

Прижимаю Лалу к себе. Рука будто невзначай соскальзывает на бедро. Марат забывает дышать. Да, ты! Ты тоже должен усвоить, что теперь она – моя забота. Ты сам так решил, брат. У любого решения есть последствия. Принимай их.

Еще недавно я бы ни за что так с ним не поступил. Но Панаев сам нас втянул в это болото.

Делает шаг ко мне. Я отвожу назад ногу, для лучшего упора. Это почти что стойка... Я не знаю, чего от него теперь ждать. Ну? Ударит? Нет. Обнимает. Окатывает теплом, знакомым запахом.

– Не обижай ее. Пожалуйста, друг.

Не буду. Спасибо, что обошлось. Я растроган. Похлопываю его по спине.

Наша гостиница в тупике улицы. Ехать нет никакого смысла. Решаем прогуляться. Каждой порой своего тела чувствую исходящий от Лалы ужас. Он страшно меня напрягает. В лифте ее начинает трясти. Юбка у платья пышная, пятиметровый шлейф занимает собой всю кабину. И шуршит, шуршит, потому что ее колбасит. Жесть.

Номер нам бронирован королевский. Закуски, фрукты, шампанское в ведерке, цветы. Все как полагается. Из того, чего не должно быть – невеста в истерике.

– Я в душ. Осмотрись, поешь... Ты в ресторане почти ничего не съела.

В душ мне надо, да. Ее реакция меня бесит. Перед глаза-

ми разноцветные всполохи. Вода льется на голову. Упираюсь одной рукой в стену, разглядываю себя. Так странно, что все бабы от меня без ума, а собственная жена... Жена. Я женился на наследной принцессе Панаевых. До сих пор не верится. Обматываю бедра полотенцем и выхожу.

Пока меня не было, Ла-ла-ла не только открыла шампанское, но и здорово приложила к бутылке. То, что кому-то нужно напиться, чтобы лечь со мной в кровать, взбалтывает давно осевшие комплексы. Как же бесит, что я чувствую себя недостаточно хорошим для нее... Все еще. Блядь. Недостаточно.

– Почему ты не переделась? – замираю за спиной.

– Т-там с-сложная шнуровка. Я н-не могу снять платье сама.

Д-да. В этом что-то есть. Мне кажется, лет эдак сто пятьдесят назад измен было меньше как раз потому, что женщине, чтобы на это решиться, нужно было довериться своему любовнику полностью. Как иначе, если ты абсолютно беспомощна? Ни раздеться не можешь сама, ни одеться, когда все закончится. Сто раз подумаешь, прежде чем на это пойдешь.

– Что ж. Видно, придется мне.

Опускаю взгляд. Лала разулась. Я намного выше. Касаюсь шнуровки. Резко дергаю длинный конец, Лала вздрагивает, будто я ее плетью ударил. Тонкие волоски на затылке приподнялись. Мурашки, дрожь... Неторопливо расшнуровываю корсет. Стаскиваю по бедрам. Лала шумно дышит.

Ее сердце выпрыгивает из груди. Мое сердце...

Заглушая рев в голове, вынимаю заколку. Все женщины, которые у меня были в последнее время, наращивают волосы. Лале это ни к чему. У нее свои. Роскошные. Открепляю фату. Шпилька за шпилькой, пока собранные в жгут локоны не падают на спину. Воздух со свистом покидает легкие моей девочки. Она обхватывает себя руками. Я отступаю на шаг.

– Ну, все вроде бы.

Беру со столика бутылку, делаю несколько жадных глотков. Отправляю в рот канале, не чувствуя вкуса.

– Я спать. Завтра много работы.

Лала оборачивается. Она растеряна. Взорвана. Так, как я и планировал.

– А что делать мне?

– Прими душ. И тоже ложись. День был утомительным.

– К-куда ложиться?

– Куда хочешь.

Иду в спальню, сбрасываю с бедер промокшее полотенце. За спиной резко захлопывается дверь. Неужто скромняжку испугала моя голая задница? Натягиваю боксеры, открываю телефон. На почте уже, как я и просил, пара фоток. Скидываю Юльке в личку.

«Твой эксклюзив».

«Ахренеть! Звягинцев!»

Смайлик от меня. Я и сам в ахуе, Юля. Твои чувства могу представить.

«А ведь слух ходил, что это тот молокосос ей изменил!»

«Без комментариев».

«Нет! Так не пойдет! Я должна сделать подводку к фото. Могу, конечно, отсебятины напридумывать».

Чего-чего нам не надо, так это Юлькиных бурных фантазий.

«Эй! Умерь пыл».

«Тогда ответь на пару моих вопросов».

«Давай. На один. Хорошо подумай над формулировкой».

Коварный смайлик.

Пишет, стирает. Пишет, стирает. Карандашик бежит туда-сюда.

«Почему сейчас?»

«Ждал, пока девочка вырастет».

«Так долго ждал, что чуть не увели», – подкалывает Юлька, и я буквально вижу, как она закатывает глаза.

«Но не увели же. Все, Юль, у меня брачная ночь вообще-то».

«Её ты тоже ждал?»

«Ты уже использовала свой вопрос».

Закрываю чат, откладываю телефон в сторону.

Лалы долго нет. Прислушиваюсь к звукам, наполняющим номер. Щелкает замок в ванной. Свет в гостиной выключается. Значит, легла на диване? Окей. Вырубаюсь.

Когда встаю утром, Лала сидит уже полностью собранная.

– Я заказала завтрак. Не знаю, что ты ешь, поэтому набра-

ла всего.

Я все еще в трусах. И в утренней эрекции. Жена смотрит на меня испуганным кроликом. Но мне кажется, что в этом испуге присутствует и любопытство. Посмотрим...

– Тебе достаточно знать, чего я не ем.

– И чего же?

– Кого. Маленьких глупых девочек. Расслабься, ага? Тебе ничего не угрожает.

Лала вспыхивает. И молчит... Нас прерывает стук в дверь. А вот и завтрак. Яичница с беконом, круассаны, каша, йогурты, какие-то фрукты. Ставлю перед собой тарелку с глазуньей.

– Какие у нас планы на день?

– Закину тебя домой, познакомлю с бабулей и махну на работу. Вечером у нас самолет, помнишь?

– Угум.

– Что-то не так?

– Все так. Но к первому сентября мне нужно будет вернуться. Не хочу пропускать универ.

– Без проблем. А ты на кого хоть учишься?

Лала опять сжимается. Как будто в том, что я ни черта о своей жене не знаю, есть хоть капля моей вины.

– Психфак.

– Вот как? Неожиданно. Нравится?

– Я только на второй курс перешла. Мы... еще не дошли до сути. А ты?

Брови помимо воли взлетают вверх. Как-то я не ожидал, что ей тоже захочется что-нибудь обо мне узнать.

– А я, Лала, университетов не оканчивал. Всему сам по ходу учился.

Похлопываю по карманам. Оделся-то я еще перед завтраком.

– Папа говорит, что школа жизни – лучший институт.

Ой, не знаю, девочка. Но я оценил ответ. Может, у нас что и выйдет.

– Поела? Тогда собирайся. Правда, со временем затык.

– А платье? – вскакивает.

– За ним поухаживают специальные люди, не волнуйся.

– Зачем?

– Ну как же? Это наша первая семейная реликвия. Ее почистят и как следует запакуют. Вдруг наша дочь захочет надеть его на свадьбу?

Провоцирую, конечно. Лала опять розовеет, но в этот раз все же реагирует спокойней. Гляди ж, так и приручу.

– Ладно.

Собираемся. Выходим, держась за руки. Моя машина уже подогнана к входу. Огромный Кадиллак, который в центре хрен припаркуешь. Лала забирается на сиденье, поджав ноги.

– Ого! Ты видел, сколько новостей о нашей свадьбе? – хлопает ресницами. – Даже фото есть.

– Ты красавица, – бросаю короткий взгляд на ее телефон,

а дальше гляжу только в зеркала. Движение здесь оживленное, за дорогой нужно следить.

– Ты тоже... Не видела мужчины, которому бы так шел Saint Laurent.

Улыбаюсь. Ладно, детка, живи.

Ерзает на сиденье, что-то там отвечает кому-то. Лезет без спроса к моей магнитоле. Без разрешения меняет плейлист.

– Это что еще за хрень? – возмущаюсь. – Руки прочь.

– Побудь на одной волне с молодежью, папочка.

В уши долбит какая-то девчачья хрень. Слушать это совершенно невозможно. Я раздражаюсь. И улыбаюсь почему-то.

Глава 9

*Справа в тому,
Що в мене немає дому...*

«У мене немає дому» Один в каное

Лала

Я никогда не бывала в гостях у Назара, и теперь мне интересно, куда мы едем. По всему видно, это город. Самый его центр. Наверное, так действительно удобнее. Меньше времени уходит на дорогу, а значит, его теперь можно посвятить себе. Сходить в парк, или ресторан, или на выставку, не задумываясь о том, стоит ли этот поход трех часов на дорогу туда и обратно. Еще один маленький плюс в происходящем. Я решила, что буду во всем искать плюсы, раз не могу отмотать все назад или как-то отформатировать сложившуюся реальность, в которой, если честно, не все так плохо.

Вынуждена признать, что мой муж, как бы он не был мне неприятен, ведет себя безупречно. Лучше, чем я того заслужила – факт. И меня это парадоксальным образом бесит. Ведь очевидно, что отсутствие с его стороны каких бы то ни было поползновений в мой адрес означает только одно – я совершенно ему не нравлюсь как женщина. Это довольно ощутимый удар по самолюбию хотя бы потому, что я са-

ма, даже будучи в панике, оценила его привлекательность. Нет-нет, это ничего не означает, не подумайте. Только то, что у меня есть глаза. И честность себе признаться в том, что мой муж хорош. С ним даже весело, если достаточно расслабиться и поймать нужный вайб.

– Вау! Ты живешь в башне?!

– Мы живем в башне, да. А что? Принцессе нужен собственный замок?

Это что сейчас было? Попытка щелкнуть меня по носу богатством моих родителей?

– Посмотрим, – задираю нос. – Какой этаж?

– Двадцать восьмой.

Я никогда не забиралась так высоко. Мне предстоит совершенно новый опыт. Не терпится все рассмотреть. Я же раньше жила только с родителями, подчиняясь их правилам и следуя их вкусам, а тут собственный дом. То есть квартира. В которой нас ждет встреча с бабушкой Назара. Меня это беспокоит. Вдруг я ей совсем не понравлюсь?

– Прошу, – распахивает передо мной дверь.

– А как же перенести жену через порог? – из-за нервов несу всякую чушь, Назар удивленно на меня пялится. – Не суть. – Опускаю глаза. – Это такая традиция.

Я делаю шаг в квартиру, но Звягинцев останавливает меня и подхватывает на руки. Легко, будто я ничего не вешу. От неожиданности вцепляюсь в его широкие плечи руками. Мы так близко. Мои губы у его уха, наше дыхание смешива-

ется...

– Так? – усмехается он, заходя в холл, плавно перетекающий в огромную кухню-гостиную.

– Д-да, – сглатываю я, съезжая вниз по его телу. Ноги мягко касаются пола: – Спасибо.

– Обращайся, – белозубо улыбается. – Бабуль, мы дома! Это моя Лала, знакомьтесь. Лала, это моя бабушка – Анна Никитична.

– Здравствуйте, – шепчу я, опустив глаза. Звягинцев почему-то хмыкает.

– Здравствуйте. Проходите, что вы на пороге застыли? Будем завтракать. Если ты мне покажешь, как включается твоя бесовская плита, напеку оладушков.

– Не могу, бабуль. Мне надо отъехать на пару часов. Дела. Тебе все Лала покажет, ага?

– Мог бы и отменить дела по случаю свадьбы, – ворчит старушка.

– Мог бы – отменил. Ну, все. Не скучайте.

Растерянно гляжу на закрывшуюся за мужем дверь.

– Он очень много работает, – замечаю очевидное, будто оправдывая Звягинцева.

– Так было, сколько я себя помню, – Анна Никитична взмахивает сухонькой ручкой. – Думала, разбогатеет, как хотел, так перестанет рвать жилы, а нет. Да ты проходи, проходи, чаю заварим...

С любопытством оглядываясь по сторонам, прохожу

вглубь квартиры. Из небольшого холла выходит одна дверь, вероятно, в санузел. Из кухни-гостиной – в спальню. И все? Удивленно хлопаю глазами. Где же я буду спать? Опять на диване? Или все-таки предполагается, что мне придётся разделить постель с мужем? Никогда еще я не жила в настолько маленьких квартирах, хотя и понимаю, что по среднестатистическим нормам никакая она не маленькая.

– Наверное, он трудоголик, – пожимаю плечами.

– А ты не очень-то много про моего внука знаешь, правда?

– Да, – соглашаюсь прежде, чем понимаю, как это может для нее прозвучать. – То есть он не особенно со мной делится историями из детства.

– Вот и плохо! Чтобы по достоинству оценить своего мужчину, нужно иметь представление, через что ему довелось пройти, прежде чем стать тем, кем он стал в итоге. У самой-то тебя, небось, была не жизнь, а малина? – поглядывает на меня искоса.

– Это плохо?

– Разные вы. – Хмурится. – Да и юная ты совсем.

– Я быстро взрослею, – отвожу взгляд.

– А вот не надо, не обижайся на старуху. Я чего переживаю-то? Однажды у него уже была такая, знаешь, вся из себя. Всю душу из парня вынула. Все деньги. Чего не купи – ей мало было. А как он оказался на мели, нашла себе другого дурачка, побогаче. Я уж боялась, и не оклемается Назар от такого предательства. Любому видно было, что ей только

деньги его нужны, а он не замечал. Летал на крыльях. А потом упал так, что с земли соскрести.

Ничего себе, какие страсти! Ни за что бы не подумала, что в биографии Звягинцева было что-то подобное. Он же холоден как айсберг.

– Давно это было?

– Давненько. Десяток годков с тех пор, наверное, прошло.

– И что теперь с этой женщиной?

– Да откуда мне знать? Так что, олады будем печь?

– Мы завтракали. Может, лучше приготовим сразу что-нибудь на обед?

– А ты умеешь готовить? С такими-то ногтями.

– Умею. Они мне не мешают, – улыбаюсь.

– М-м-м. А от запахов еды не тошнит?

– Почему меня должно тошнить?

– Многих беременных тошнит.

– Я не беременная! – широко распахиваю глаза.

– Да? Тогда тем более ничего не понятно... – задумчиво тянет старуха. Могу представить, на какие мысли Анну Никитичну натолкнула наша поспешная свадьба. В Телеграм-каналах вон тоже принимают ставки, когда я рожу. Какое же унижение! Я что – ущербная? Почему все думают, что на мне можно жениться лишь по залету?

Непривычно взвинченная, устраиваю инспекцию по шкафам и холодильнику. Интерьер в квартире довольно холодный. Сплошной бетон и дерево. Красиво, но уж слишком

брутально. Не думаю, что мне здесь будет комфортно. И что хоть когда-нибудь эта квартира станет мне по-настоящему домом. Даже огромные от пола до потолка окна, из-за которых, вполне вероятно, Назар и купил именно эту квартиру, лично меня вгоняют в депрессию. Я как будто в аквариуме. Жутковатое чувство...

Бабуля утверждает, что Назар обожает обычную жареную с чесноком и укропом картошку. Ну, раз обожает – готовим ее. Болтаем, вроде ни о чем конкретно, но к возвращению мужа я понимаю, что успела довольно неплохо его узнать. Мне до боли жаль того мальчика. Полуголодного, оборванного, никому не нужного. Кажется, я начинаю понимать, почему Назар такой, какой есть.

– Ну как вы тут?

Не могу уловить, что в нем не так. Он как будто бы чем-то недоволен, но чем – я понять не могу. Меня это напрягает, я не знаю, как себя вести. Решаю придерживаться шутливой формы общения, которая в машине, если я не ошибаюсь, доставила удовольствие нам обоим:

– Нормально. Анна Никитична немного офигела, узнав, что кто-то может специально покупать бэби-картошку. Они в деревне, знаешь ли, скармливают такую свиньям. Так что не вздумай сказать ей, сколько эта картошка стоит. И, умоляю, помалкивай про бэби-морковь и бэби-кальмаров, ага?

Секунду Назар глядит на меня так, будто у меня внезапно

выросли рога, а потом, как я и рассчитывала, заходится хохотом. Ну, слава богу! Я неловко улыбаюсь в ответ.

После мы еще немного общаемся все вместе и начинаем собираться в дорогу. Бабушку Назар поручил отвезти домой кому-то из своих подчинённых. Сами же мы едем в аэропорт на такси. К обеду, который мы так старались приготовить, Назар не притронулся.

Я немного мандражирую. Пытаюсь отвлечься на телефон, шарюсь в соцсетях, но все только и говорят, что о нашей свадьбе. Подружки пытаются в чатах, как и когда у нас все закрутилось, некоторые обижаются, что я им ничего об этом не рассказала. А я лучше умру, чем признаюсь, как же так влипла. Лучше умру...

«Не завидуйте», – в конце концов, пишу я в ответ, сопровождая сообщение смайликом. И ведь никто не отпирается. Напротив. Одна за другой строчат о том, какой же горячий мужик мне достался. Облизываются на него, бесстыжие, скабресничают. Невольно скашиваю взгляд на Звягинцева. Мужиками в моей компании почему-то зовут всех парней, независимо от возраста. Иногда это нелепо, но про Назара по-другому не скажешь. Он действительно мужчина в самом соку. Заматеревший и состоявшийся. На нем брендовый льняной костюм. Не классический, такой... Свободные брюки и рубашка навыпуск с ассиметричной застежкой. Это все очень стильно. Даже где-то чересчур. Клянусь, я не знаю ни одного другого мужчины, который в подобном кутюре вы-

глядел бы уместно. А главное, мужественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.